
Путь к Величию
18+
Алексей Белоцветов

Алексей Белоцветов

Путь к Величию

«Автор»
2026

Белоцветов А.

Путь к Величию / А. Белоцветов — «Автор», 2026

Вахтовик Дмитрий умирает на взрыве газоперерабатывающего завода — и в последний миг его сознание утягивает прямо в разгар резни, которую люди барона устроили в доме семнадцатилетнего Гуннара. Теперь в одной голове уживаются двое: циничный работяга, привыкший шутить перед лицом смерти, и наследник рода, чьё имя само по себе стало приговором. Гуннар хочет одного — выжить, пока по лесу за ним идёт погоня, добивающая его. Дар рода молчит, тело истекает кровью, а два характера внутри него то спорят, то сливаются в один голос, и уже не всегда понятно, кто из них говорит и кто в итоге возьмёт верх. Выдать тайну слияния — значит лишиться последнего шанса на месть и, возможно, на саму жизнь. Сколько вахтовик из старого мира сможет прятаться внутри умирающего парня, прежде чем один из них исчезнет насовсем?

© Белоцветов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 30
Глава 7 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Алексей Белоцветов
Путь к Величию

Глава 1

Меня зовут Дмитрий, на момент моей работы на строящемся ГПЗ (газоперерабатывающем заводе) в Амурской области мне было двадцать пять лет.

На тумбочке надрывается будильник — нащупать его и заткнуть получается только с третьего раза. На часах уже пол пятого вечера, а значит, пора собираться на «любимую» работу. И снова меня накрывает мысль, которая последнее время не даёт покоя: надо бы найти нормальную работу, на постоянке, поближе к родным, а не эту грёбаную вахту. Зря всё-таки отказался тогда от приглашения в родном городе — зарплата, может, и не выше здешней, зато жить в своей квартире, а не в общаге с храпящими потными мужиками. Хорошо хоть сейчас перевели в ночную смену: днём в общаге остаются считанные единицы, как говорится, меньше народа — больше кислорода. Ладно, раз эта назойливая мысль снова лезет в голову, значит, завтра с утра, после смены, поговорю с руководством: дорабатываю вахту и больше не возвращаюсь, буду искать работу дома, а то так и дети отца в лицо узнавать перестанут. А уже после разговора порадую жену да матушку.

Встаю, умываюсь, забегаю в туалет, глотаю кофе с печеньками — и вот уже начало шестого, пора выходить. На вахте всегда день сурка: изо дня в день одно и то же, идёшь по городку в сторону остановки и встречаешь одних и тех же людей на одном и том же месте по месяцу-два подряд, так что уже забываешь, здоровался с ними сегодня или нет. Потом часть из них пропадает на месяц — уезжают в отпуск. Пока жду автобус, успеваю выкурить сигаретку, холодный воздух обжигает горло вперемешку с дымом; двадцать минут тряски на разбитой дороге — и вот я уже иду в прорабку. Работаю на участке испытаний трубопровода, и там, как всегда, творится рабочий вечерний хаос. Вон сидит Лёха единственный друг, с которым завязалось общение ещё с момента знакомства на этом же заводе пару лет назад. Что я могу о нём сказать: все знают, что Юлий Цезарь делал несколько дел одновременно — ну и что, по сравнению с Лёхой Цезарь был лох! Этот человек одновременно говорит по телефону, строчит какие-то отчёты, перекрикивается со столом в другом углу помещения, а ещё как всегда откуда-то из-под стола выдаёт своей бригаде шпильки, прокладки, задвижки. Порой кажется, что у него, как в тех боярках, которые я читаю, где-то есть пространственный карман — иначе не понятно, откуда он всё это достаёт.

Передаю смену со сменщиком, намечаем примерный фронт работы: — В общем, Дим, ничего сверхъестественного, всё как обычно. Единственное — не успели протянуть обратный клапан на двадцать четыре дюйма на отметке +33, — вводит меня в курс дела Игорь.

Последнее время я работаю на устранении утечек: как только их не будет минимум семьдесят два часа, завод передаётся в эксплуатирующую организацию, и мы, строители, уходим оттуда и больше не должны ничего делать за бесплатно. Работая мастером, приходится ходить с бригадой по установке, показывая, где и как затягивать фланцевые соединения, периодически меняя прокладки, из-под которых сифонит газ. Как обычно, наш начальник участка, А.С. (подпольная кличка Гринч — невысокого роста, сутулится, да ещё с непропорционально длинным носом), накидывает мне поручений сверху и говорит: — Давайте сегодня без происшествий, у меня премия на кону! — и отправляет куда подальше.

Смена проходит в обычном режиме, как по шаблону: подхожу, смотрю, с какой стороны дует, протягиваем фланец как положено — и дальше. Если видно, что прокладка пришла в негодность, работы побольше, особенно на большом диаметре: перекрыл поток, разобрал,

заменил прокладку, собрал — и пошёл дальше. В ушах уже гудит от монотонного шума установки, руки сбиты в кровь мелкими заусенцами от металла. Однако под утро, когда мы уже почти спустились с установки, по рации передают: — Дим, как слышно? Это Серёга. — Слышу тебя хорошо, говори, что там случилось, — спрашиваю уставшим голосом. — В общем, ситуация следующая: сработала сигнализация на одном из газоанализаторов на отметке +55. Там срочно надо проверить, что к чему, иначе ничего хорошего не будет, а пока пересменка прибудет — пройдёт часа два, не меньше. Как принял? — Принял, принял, — бурчу уже больше для себя: попробуй не прими, вы же на левый тапочек дозвониться можете. Делать нечего, оставляю бригаду внизу, решаю сам посмотреть, что там да как.

Уже поднявшись на отметку +40, начинаю понимать: что-то не так. Резкий запах — чуть сильнее обычного, бьёт в нос едкой химической сладостью. Газоанализатором, который всегда ношу с собой, уже не пользуюсь — он постоянно показывает параметры выше нормы, толку с него никакого. Голова слегка кружится, но первая мысль — переутомление: на вахте уже давно, около полугода, давление последнее время часто скачет, да и ментально тяжеловато, ещё и по жене с детьми соскучился. Но долой эти упаднические мысли — осталась недельку продержаться, и самолёт домой. Собираюсь с силами, решаю не останавливаться и идти дальше на поиски, поднимаюсь на отметку +47. По рации передают: — Дим, надо бы поторопиться, кажись, датчики от +40 до +55 не работают! — Да иду я, Серёга, иду! Как что-то увижу — сообщу, бригадиру передай, пусть ключи далеко не уносит, дело пахнет фракцией углеводорода, хе-хе, — такой туповатый юморок помогает хоть как-то отвлечься от происходящего. — Хорошо, передам, — говорит Серёга уставшим за ночь голосом.

Пройдя несколько метров по лестнице, выхожу на отметку, где буквально в паре метров впереди вижу искру, и инстинктивно понимаю: надо бежать, бежать без оглядки. Кричу в рацию: — Серёга, здесь искра распаляется! Сам бегу из последних сил — устал за смену, ноги гудят, лёгкие жжёт, — спотыкаюсь, падаю, и последнее, что слышу перед тем как уйти в небытие: сзади сильнейший хлопок и яркий свет, осветивший всё на ближайшие несколько километров. Это означает, что я не успел ни устранить утечку, ни убежать. Завод, который мы строили несколько лет, взрывается…

И в последний момент меня догоняет до боли глупая мысль: хрен тебе, а не премия.

* * *

Поднимаюсь и бегу дальше. В глазах всё мутно, почти ничего не вижу, тело болит — ожоги, ушибы, кажется, даже трещины в костях дают о себе знать при каждом шаге. Но откуда-то изнутри поднимается юношеская радость, мне совсем не свойственная, и мысль: «Я выжил!» Чем дальше бегу, тем лучше начинаю видеть, а вместе со зрением приходит и осознание: бегу я не по металлической просечке, а по голой земле, и вокруг меня не трубопровод с задвижками, а лес — густой, пахнущий сырой хвоей и прелой листвой.

Высота взгляда почему-то выше, чем я привык, хотя рост у меня и так сто восемьдесят пять. Да и бег какой-то лёгкий, не тот грузный топот взрослого мужика под сто кило, который не каждый день занимается спортом. Приходится даже остановиться, чтобы осознать происходящее.

Останавливаюсь как раз возле огромной лужи, присматриваюсь — и вижу совсем другое лицо: парень не старше восемнадцати, черты выразительные, резкие скулы, прямой нос и яркие голубые глаза, в которых ясно читается эксцентричность. Пока есть время, рассматриваю себя получше — конечно, не помешало бы нормальное зеркало, но имеем то, что имеем. Светлые волосы, почти цвета снега, причёска — удлинённый полубокс ёжиком.

Борода густая, небрежная, и в целом выглядит так, будто за ней не слишком тщательно ухаживают, но это добавляет образу дикости и естественности.

Мои размышления и любование собственной красотой прерывает взрыв неподалёку и грубый, сиплый крик: — Найдите мне этого щенка и добейте! Его род не должен выжить!

После этих слов до меня начинает доходить: щенок, которого надо добить, — это я. Сверху, рассекая воздух тяжёлыми крыльями, пикирует ворон не самых маленьких размеров и говорит сиплым, явно вредным голосом: — Гунн... — и тут же осекается на полуслове, но после короткой заминки продолжает: — Если хочешь КАР выжить, беги за мной КАР!

И тут мне приходит мысль: наверное, я сейчас лежу в реанимации, и мне колют какие-то наркотические препараты для обезболивания — иначе откуда бы в моей голове взялись такие мультики.

— Ха-ха-ха, — смеюсь я вслух сквозь боль, глядя на эту всклокоченную птицу.

— Чего ты ржёшь КАР, придурок? Пока будешь стоять КАР и пялиться на себя в луже, как умственно отсталый КАР, тебя тут же сожгут, и поминай как звали КАР! — его слова и простреливщая боль в ноге мгновенно меня отрезвляют.

Позади слышится перекрикивание людей, идущих по моему следу. Понимаю, что шутки кончились, и говорю: — Давай! Птица говорун, веди! Всё равно выбора особо нет — кругом незнакомый, густой, с трудом проходимый лес.

Ворон кивает и взлетает, забирая чуть вправо от маршрута, по которому бежал я. Спустя десять минут бега, за которые я чуть не выплюнул лёгкие, крики и глухие звуки впивающихся в стволы деревьев пуль — сам всё ещё не верю, что это говорю, — начинают стихать. Адреналин понемногу отступает, и я начинаю замедляться. Надо бы передохнуть да и уточнить точку назначения.

— Эй, птица говорун! Стой! Ну и куда мы бежим? Долго ещё?

— Единственное место, где поблизости можно спрятаться, — это аномалия. Так что давай, нет времени на отдых, иначе отдохнёшь на том свете! — говорит он, а мне кажется, что байки про отдых на том свете придумал самый настоящий балабол!

Глава 2

До аномалии мы добираемся минут за пятнадцать, может, за двадцать. Лес вокруг самый обычный, такой же, как в тайге, где я когда-то мотался геофизиком: сосны с рыжими подпалинами коры, берёзы, валежник, который трещит под ногами, как сухие рёбра. Под корнями краснеет какая-то ягода, из мха лезут грибы с мокрыми шляпками. Пахнет смолой, прелой хвоей и грибной сыростью. Если бы не чёрная птица, что летит впереди и время от времени оглядывается, проверяя, не сдох ли я по дороге, решил бы, что просто вышел прогуляться.

Момент, когда мы пересекаем какую-то невидимую границу, я чувствую сразу. Ноги подгибаются, давление на тело наваливается мгновенно, без всякого предупреждения. Для меня, человека неподготовленного, это сравнимо с мешком цемента килограмм на двадцать пять, а то и на все тридцать, который скинули с высоты метров десять точно на плечи. Воздух густеет и становится похож на кисель, в ушах коротко щёлкает, по вискам ползёт холодный пот.

Я падаю на колени уже через пять метров пребывания в аномалии. Меня придавило, и это ещё мягко сказано: ладони вжимаются в хвою по самые запястья, в локтях дрожь, каждый вдох приходится вытягивать из воздуха силой, будто дышу через мокрую тряпку.

— Стой, падла пернатая! Ты куда меня завёл? — выходит у меня осипшим, тонковатым голосом, который до обидного далёк от моего прокуренного баса, привыкшего перекрикивать заводской гул.

— Как куда? В аномалию, КАР. Ты как будто первый раз слышишь про это место, КАР. — Он подлетает ближе, садится на корягу в полуметре от моего лица и уставляется на меня своим хитрым, чёрным, словно уголь, глазом.

— Постой, КАР! — Ворон взъяряется так резко, что я отшатываюсь назад, едва не заваливаясь на спину. — Ты кто нахрен такой, КАР? — Он запрыгивает на меня и начинает клевать в голову: коротко, зло, как молотком по шляпке гвоздя.

Потом спрыгивает и ходит передо мной из стороны в сторону, подметая крыльями хвою, причитает: не уберёг, что же случилось, что теперь со мной будет. Когти скребут по корням, и этот звук отдаётся у меня где-то под рёбрами. Затем он разворачивается, нахохливается, расставляет крылья в стороны и идёт на меня. Выглядит это комично ровно до той секунды, пока в его глазах не полыхает настоящее пламя. Вот тут становится совсем не смешно.

— КТО ТЫ ТАКОЙ, Я СПРАШИВАЮ? — Голос птицы моментально меняется, в нём рокочет что-то потустороннее, тяжёлое, и от этого пробирает до самых костей, до корней зубов. — И не вздумай мне врать, КАР! Я вижу твою душу, КАР, и это не душа Гуннара, КАР, ты ЧУЖАК, КАР! Куда ты дел Гуннара, КАР? — кричит разъярённая птица.

И тут на меня накатывает волна осознания, вместе с тяжестью на плечах и тупой болью, разлитой по всему телу. За всем этим марафоном, погоней и взрывами я быстро забыл самое главное: я не в своём теле. А судя по аномалии, в которой меня плющит, как жестянку под прессом, нахожусь я явно и не в своём мире. В своём я, видимо, всё, кончился. Радует одно: без мучений, без инвалидности, без слёз и жалости со стороны родственников и окружающих. Единственное, о чём сейчас жалею, и это жжёт сильнее давления, так это о том, что не увижу больше своих детей и жену. Да и кто теперь поднимет их на ноги? Эти мысли останутся со мной до конца новой жизни и будут глодать изнутри, потому что поделать я ничего не смогу. Но теперь я здесь, и зовут меня, судя по всему, Гуннар. Видимо, так звали бывшего хозяина этого тела. Имя странное, конечно, вроде как скандинавское, хотя с вороном разговариваю я на чистом русском. Ничего не понятно, но очень интересно. Ладно, чуть позже уточнимся по ситуации. Будем жить и развиваться в этом мире, авось и мои скудные знания здесь на что-нибудь сгодятся, для какого-нибудь стартапа или как там это называется.

После того как всё обдумал, мне приходит в голову мысль, от которой хочется расхохотаться прямо тут, на коленях, под давлением в тридцать кило: я ведь как будто попал в самую настоящую боярку, которыми зачитывался в любое свободное время между вахтами. Бывали же мысли о том, как я после смерти попаду в другой мир. Сбылась мечта идиота, получите и распишитесь!

— Не кричи, и без тебя не сладко, — говорю я и сглатываю, потому что в горле сухо, как после смены в пыльном цеху. — Меня зовут Дмитрий, и последнее, что я помню, это как бежал по заводу, упал, сзади прогремел взрыв, подорвался и побежал дальше. Вот только уже здесь, в этом теле и в этом мире.

— Ты не врёшь, КАР, — говорит ворон, и пламя в его глазах гаснет так же внезапно, как вспыхнуло. — Видать, пришибло Гуннарчика нашего. — И птица снова принимается ходить туда-сюда, приминая траву, и причитать:

— Так, так, так, что же делать, КАР? Если ты попал в это тело, КАР, значит, не просто так, КАР, значит, этому кто-то поспособствовал, КАР, кто-то из предков или покровитель Рода, КАР. А если так, то я должен тебе помочь выжить, КАР, иначе мне повыщипывают все перья, КАР. — И еле слышно добавляет: — Опять.

— Так ладно, — говорит ворон и встряхивается всем телом, от клюва до хвоста. — Передохнули и хватит, КАР, долго задерживаться нельзя, КАР, а то учуять могут местные обитатели, КАР, или рискнут зайти преследователи, КАР. — Он подпрыгивает и летит дальше, вглубь, потом разворачивается в воздухе и кричит:

— Чего стоишь, остолбень? Давай за мной, КАР! Тут в десяти километрах отсюда избушка есть, КАР, зверьё к ней не подходит, пока там перекантуемся какое-то время, КАР.

И так как выбора у меня не особо много, я с горем пополам поднимаюсь, перенося вес с колена на ногу, как старый дед, и плетусь за ним. Спина гудит, ноги чужие, будто одолжил их у кого-то на размер меньше.

Бегу я часа два, не меньше. Давление, кажется, давит всё сильнее и сильнее, а сил всё меньше и меньше, они утекают из меня, как вода из пробитого ведра. Во время этой пробежки успеваю разглядывать окружающую природу: высокие деревья, сосны, ели, берёзы, есть даже какие-то незнакомые, и все намного выше обычных, раза в два, а то и больше. Часть покорёженные, скрученные, будто их выжимали, как бельё; часть идеально ровные, в несколько обхватов, и все более тёмного цвета, как будто их сверху обмазали смолой. По бокам, в подлеске, начинают собираться какие-то мыши, белки, бурундуки, и у всех подозрительно ярко-красные глаза, которые тлеют в полумраке, как угли в остывающем костре. Что-то мне подсказывает, что грызуны эти явно не наркоманы, да и на почётное сопровождение они тоже не походят.

Выбегаю на опушку и вижу внизу, примерно в десяти минутах бега по пересечённой местности, долгожданную избушку. Небольшой домик, сзади него ещё парочка каких-то строений, сбоку от построек виднеется вытоптанная поляна, которая чем-то смахивает на гладиаторскую арену, не хватает только трибун и орущих зрителей. Вокруг всего этого частокол не меньше двух-трёх метров, брёвна заострены сверху, как карандаши. Опять же, это взгляд издалека, возможно, и больше. Зверьё за спиной чувствует силу: их скопилось уже под сотню, шорох стоит такой, будто по хвое тащат мешок, и вся эта масса начинает подходить ко мне всё ближе.

— Давай, карр! Ускоряемся, карр! Главное — добраться до двора, карр, там нас не тронут, карр, там защита, карр! — кричит пернатый помощник и прибавляет хода. Как будто это его сейчас загрызут эти милые создания.

А я-то летать не умею. Бегу, спотыкаюсь, падаю, встаю, снова бегу; зверьё ускоряется и подбирается всё ближе, и количество его не уменьшается, а даже наоборот, растёт чуть ли не в геометрической прогрессии. Остаётся до дома метров десять. Оглядываюсь и вижу как будто в замедленной съёмке, как на меня прыгают две белки, точь-в-точь как в «Форсаже», когда угоняли фуру: одна цепляется за спину, вторая за ногу. Меня простреливает сильнейшая

боль от двух укусов проклятых грызунов, горячая, с визгом в ушах. Падаю на живот в метре от открытой калитки и ползу, как гусеница, в сторону двора, обдирая локти о землю. Как только пересекаю эту линию, ворон прыгает сверху и принимается оттаскивать от меня тварей; спустя пару минут криков, писка и барахтания нам удаётся их скинуть. Рядом валяется палка, хватаю её и двумя чёткими ударами, которые получаются раза с пятого, пришибаю грызунов. После столь длительной пробежки и столь скоротечного боя из меня словно вытащили стержень. Захожу в дом, добредаю до кровати, ничего не рассматривая по сторонам, рушусь на неё и мгновенно проваливаюсь в сон.

* * *

Запрыгиваю в дом следом за чужаком, который махом добирается до кровати и сваливается крепким сном. Оно и немудрено: он ведь не одарённый, да ещё и в аномалии несколько часов бежал, на такое не каждый способен. Но меня всю дорогу до дома одолевают совсем другие мысли. Что мне теперь делать? Свою миссию по сохранению рода я де-факто провалил, а вот де-юре закон на моей стороне. Человек жив? Жив. А то, что душа другая, это уже мелочи. Забираюсь на стол, сажусь и утыкаюсь взглядом в одну только мне видную точку на бревенчатой стене.

Тут снова открывается дверь, в которую входит мужичок невысокого роста. Он обивает сапоги о порог, видит меня на столе и спрашивает:

— Ну что, Хугин, давай рассказывай! Что произошло? Чего не весел? Чего головушку повесил?

— Да вот сижу, КАР, и думаю, когда меня настигнет кара господина, КАР, сейчас или когда он во всём разберётся, КАР? — говорю я и вздыхаю как-то даже по-человечески, от безысходности.

— Ты давай это самое, грязные подробности, что ли. Я же не телепат, в голове у тебя ковыряться не могу, — говорит домовой, выставляет на стол корзинки разные, с овощами да мясом, и приступает к приготовлению похлёбки.

— А что тут рассказывать, КАР? Ты же помнишь, пару сотен лет назад, КАР, когда Творец ещё интересовался этим миром, КАР, он покровительствовал императорскому роду Рюриковичей, КАР, силой они были не обделены, КАР, кстати, не без помощи Творца, КАР. Но в какой-то момент, КАР, то ли Творца отвлекли более важные дела, КАР, то ли ему стало неинтересно, КАР, возиться в этой песочнице. Он поручил мне следить за этим родом, КАР, и в случае крайней нужды всячески способствовать им и помочь выжить. Творца, кстати, я с тех пор не видел и не слышал. Ну и как итог, видишь, КАР. — Я машу головой в сторону парня на кровати. — Это последний, да и тот бракованный какой-то, КАР. Душа какая-то левая, что ли, КАР, никогда таких не видел, КАР, да и в семнадцать лет всё ещё не пробудил ни одного направления в магии, КАР. Ладно, хорош, а то услышит, КАР, вон уже вертеться начал. Позже решим, что с ним делать будем, КАР, после обстоятельного разговора.

* * *

Сквозь дрёму слышу конец диалога птицы с кем-то: «Позже решим, что с ним делать будем, КАР, после обстоятельного разговора». М-да. Надо что-то делать, и желательно раньше, чем они решат.

Решаю поваляться ещё немного, может, какая умная мысля придёт, но подрываюсь резко, сразу на ноги, даже быстрее, чем успеваю это осознать. Столь резкому подъёму я обязан громкому вою снаружи. Это не тот вой волков, который мне доводилось слышать в тайге во времена работы геофизиком. Этот звук ниже, глубже, он вибрирует в самом воздухе, в брёвнах стен, в стекле окошка и, кажется, даже в костях. Сверхъестественный, полный первобытной угрозы. Руки инстинктивно прикрывают уши.

Но вдруг от происходящего меня отвлекает ехидный старческий смех.

— Хе-хе-хе, не боись, чужак, в этот оплот порядка Волкодавам дороги нет, тут руны вокруг двора не для красоты нарисованы, — говорит старичок. Росту он небольшого, как ребёнок, не больше метра в высоту, но коренастый, как какой-нибудь мастер спорта по пауэрлифтингу из нашего мира. Лицо суровое, его украшают немногочисленные шрамы и борода с проседью длиной не больше десяти сантиметров, глаза холодные, тёмно-зелёные, и кажется, что они оценивают каждую мою реакцию, каждое движение, даже то, как я дышу. Всё это говорит о том, что с этим стариком не всё так просто, как он хотел бы показать. Одет он не очень опрятно: длинная, явно не по размеру рубаха белого цвета с красным славянским орнаментом на рукавах и воротнике, штаны-шаровары зелёного цвета, и завершают этот «модный приговор» сморщенные, будто высохшие красные сапоги.

Голосу старика вторит каркающий смех ворона:

— КАР-ха-ха-ха-КАР, а ты, Кузьмич, за него не переживай, судя по тому, как он бегает от белок, проблем с волками у него быть не должно, ха-ха-ха, КАРррр-ой… — И эта противная птица с грохотом сваливается со стола.

— Так тебе и надо, — бурчу я мысленно.

Оглядываюсь по сторонам. Дом из соснового сруба, однокомнатный, как в наших студиях, комната-универсал квадратов на тридцать пять, не больше. Обстановка довольно аскетичная: деревянная кровать, на которой я спал, стоит у стены под одним из трёх окон, вторая кровать с противоположной стороны, под вторым окном, выходящим на утоптанную поляну. Посередине дома, у стены без окон, стоит массивная печь, как в сказке про Емелю или Илью Муромца, а по центру комнаты массивный деревянный стол, вокруг которого четыре табуретки с резными ножками. Пахнет сухим деревом, дымом и чем-то травяным.

На печке стоит котелок, из которого идёт умопомрачительный аромат какого-то супа, что ли. У меня невольно урчит желудок, да так, что слышат, похоже, оба, и понемногу его начинает сводить спазмом. Судя по реакции тела, могу сделать неутешительные выводы: оно как минимум несколько дней не видело нормальной еды.

— Ну давай, чужак, садись за стол. Отобедаешь, да заодно расскажешь: кто таков, откуда взялся и куда нашего Гуннарчика подевал, — говорит Кузьмич и начинает накрывать.

Он ставит передо мной большую, глубокую деревянную чашку, и оттуда в нос бьёт сытный запах разваренного ячменя, печёной репы, нотка дикого лука и, самое главное, насыщенный дух мясного бульона, сваренного на кости. Это запах жизни. Пока жадно хлебаю горячую похлёбку, обжигая язык и не особо об этом жалея, меня расспросами донимать не стали. Пока ем, собираюсь с мыслями: решаю, что надо побольше узнать об этой странной парочке, да и об их мотивах тоже. После того как набиваю живот, сил прибавляется, прямо море по колено, теперь можно и поговорить.

— Благодарю за обед! Давно такого не ел, — благодарю я старика и отодвигаю чашку.

— Ты давай зубы-то не заговаривай, а представься как положено и расскажи, как здесь очутился, — говорит кряжистый старик и упирается кулаками в столешницу.

Думаю при этом, что скрывать от этих двоих что-то смысла нет, всё равно знают, что я не я, авось помогут ассимилироваться в этом мире. Как минимум их интересует это тело, раз они так переживают.

Вот и рассказываю им всё как есть, без утайки: про другой мир, кем был, чем занимался, от и до.

— Мдаааа… дела, — говорит дедок и чешет бороду. — Иди-ка ты свежим воздухом подыши, разомнись, развейся, посмотри двор, красоты окружающие, а мы пока покумекаем, что с тобой делать дальше.

И, видя, как я после его слов о прогулке напрягаюсь, памятуя об утробном вое, который слышал недавно, он добавляет:

— Иди, не боись, на территорию двора никто без нашего разрешения не попадёт. — И едва слышно добавляет, скорее уже для себя: — Его практически никто и не видит.

Встаю, потягиваюсь. Мышцы ещё побаливают, да и, видать, трещины в рёбрах и в руках всё-таки есть, в груди при глубоком вдохе что-то тихо скрипит. Но горячая и сытная хавка делает своё дело, сил немного прибавилось.

Выхожу на улицу. Раз отправили погулять, значит, разговор не для моих ушей. Посмотрим, к чему это приведёт.

Вдыхаю полной грудью, и даже как-то легче жить становится. Кстати, только сейчас замечаю, что давление практически пропало, плечи больше никто не придавливает мешком. Видать, и правда какая-то магия здесь имеется. А пока пойду осмотрюсь.

* * *

— Ну что скажешь, КАР? — спрашиваю я.

— Что скажешь? Что скажешь? — передразнивает меня старик и гремит пустой чашкой, убирая её со стола. — А мне почём знать? — бурчит он.

— Дара у него нет и не факт, что вообще будет. Сам по себе человек вроде неплохой, с характером да и без гнильцы, что немаловажно.

— Тогда давай, КАР, заниматься с ним! Здесь, КАР, в аномалии. Здесь кругом не маленькие объёмы маны, да и продуктов, насыщенных магией, навалом, он их вон как за обе щёки наворачивает, только за ушами трещит. Авось что и получится.

— На том и порешим. Сегодня ещё пусть осваивается до вечера, а там я ему настоечку дам, может, удастся пробудить обычную память Гуннара или память рода, что было бы гораздо лучше. А потом, как оклемается, скорее всего, через несколько дней, приступим к тренировкам: я покажу несколько движений из арсенала воина меча, а ты поучишь концентрации.

* * *

Захожу за дом, а тут банька стоит шикарная, такие даже в деревне не часто увидишь. Брус явно из какой-то хвои, тёмный, гладкий, вылизанный дождями до блеска.

Само здание метра три с половиной в высоту и шириной не меньше пяти, дополняет это строение крытая веранда. Там на стене висят веники для парения, берёзовые и дубовые, рядом с вениками висят шапки для того же благородного дела. По центру веранды стоит массивный стол, по бокам длинные лавки, а на столе такой увесистый самовар золотого цвета, я такой только у бабушки в деревне видел, честное слово, как в музей попал или на реконструкцию какую.

Чуть дальше в стороне притаился туалет, деревенский, с дыркой в полу, после которого потом разогнуться сразу не можешь. Это тебе не на белом троне восседать расслабленно, тут сноровка нужна и крепкие колени.

За баней метрах в десяти стоит что-то вроде сарая, причём не маленького, с клетками, в которых когда-то явно держали животинку всякую. Сейчас там пусто, только солома слежалась да пахнет старой шерстью и сухим навозом.

После загона решаю пройтись в сторону полигона, идти недалеко, минут пять, не больше. Подойдя ближе, замечаю, что когда-то здесь проводились усердные тренировки: поле вытоптано так, что трава там появится не скоро, местами имеются трещины и выбоины, как будто взрывали гранаты какие-то. Есть и несколько деревянных манекенов, изображающих людей, один из них весь в сколах, царапинах и прочих физических повреждениях. Есть манекен для отработки ударов, их в моём мире вроде столбами называли, такой же деревянный, но во многих местах для возможных ударов намотана немного смягчающая тряпка или что-то вроде того. Я такие видел только в фильмах про каратистов.

Довольно интересное местечко, тут вроде насмотрелся, пойду прогуляюсь в сторону забора, может, через щели что-то увижу, что за ним происходит. Подхожу к частоколу как раз в нужное место: как по заказу, есть небольшая щель. Заглядываю в неё и вижу то, отчего

чуть челюсть не падает. Метрах в тридцати отсюда виднеется какая-то красная пелена высотой метра три и в ширину примерно так же, может, чуть больше, и воздух возле неё дрожит, как над костром. И если мне не показалось, то оттуда выскакивает, мать твою, гребаная белка. Меня обуяла такая злость, что захотелось вырваться за этот забор и прикончить эту падаль голыми руками, но внутренний голос тут же осекает: хорош, Дим, уже набегался, ещё, что ли, хочешь? Это они только кажутся такими хорошими и пушистыми, а по факту демоны ещё те. В общем, нахрен, нахрен, пойду до дома от греха подальше, может, там эти двое уже наговорились, всё-таки погулял я немало.

Заглядываю в дом и вижу, как мне машет Кузьмич, мол, заходи.

— Проходи, садись, послушай. В общем, мы посовещались, и я постановил:

— Сегодня до вечера отдыхай, можешь пока свою одёжу снять, здесь стесняться некого, только исподнее оставь, девок здесь нет и в ближайшее время не предвидится. Там, кстати, под кроватью книжки какие-то лежат, если будет желание, можешь полистать. Я пойду пока баньку истоплю, после неё чайку нашего отведаешь с плюшками да на боковую, а после того как проснёшься… — Тут он так гаденько ухмыляется, что мне это не очень-то и нравится.

— Будем посмотреть, что к чему и что делать дальше.

— Понял, принял, обработал, — говорю я и иду в сторону кровати. Стало очень интересно, какие книги тут могут заваляться, да и кто их вообще читает. Заглядываю под неё и вижу ящик с ручкой, за которую тут же и хватаюсь. Тяну на себя, а он, кажется, весит килограмм двадцать, ножки кровати при этом жалобно скрипят. С трудом вытащив его, вижу книги, сваленные в кучу, пыльные, с потёртыми корешками. Первая книга, которая попадается мне на глаза, это «История мира и в частности Российской Империи». Думаю: ничего себе фартануло, это как раз самое то, что для меня сейчас необходимо в первую очередь, чтобы меня не приняли за человека, не обременённого интеллектом.

Беру книгу, устраиваюсь поудобнее на кровати, подложив под спину свёрнутое одеяло, и начинаю впитывать информацию как губка.

Что могу сказать: если это действительно история, а не какая-то фантастика, то дела обстоят следующим образом.

В этом мире примерно тысяча девятьсот тридцать лет назад началась война на выживание, всех против всех. Мир был технологический, а цивилизация довольно развитая, и развитая настолько, что додумалась до ядерного вооружения, которое в итоге и применила. В результате этой бойни на местах взрыва бомб начали появляться первые разрывы, аномалии и магия в мире. Спустя какое-то время всё устаканилось, и люди стали объединяться сначала в деревни, потом в города и так далее, но порядка на этой земле не было. В итоге в восемьсот шестидесятых годах представители племён (чуди, ильменских словен, кривичей, мери, возможно, веси) отправились «за море» к варягам, к племени «русь», и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». В конечном итоге в Москву (в те времена ещё Московию) пришёл воевода Рюрик, стал править и увеличивать свои угодья.

По прошествии почти тысячелетнего правления Рюриковичей свергли в результате какого-то мутного государственного переворота, и сейчас на троне восседает род Нарышкиных, а именно Пётр 1.

На политической арене наша империя занимает довольно уверенные позиции, но сильно никуда не лезет. А вот западные соседи, в частности англосаксы, на месте не сидят, всё плетут какие-то интриги да пытаются захватить мир под своё влияние, так же как, в принципе, и в нашем мире.

Многие военные события, в принципе, совпадают, только иногда меняются действующие лица, и всё это с магической приправой.

В магическом плане ситуация следующая: маги планеты составляют примерно одну пятую от всего населения.

И имеют следующие ранги:

Новичок / 3-я ступень — базовые навыки, контроль силы слабый, частые срывы. Работает в составе группы, не допускается к разрывам выше 2-го класса.

Подмастерье / 2-я ступень — стабильный контроль, можно брать одиночные контракты на зачистку мелких тварей, допускаются к тренировочным полигонам.

Мастер / 1-я ступень — уверенное владение одной-двумя стихиями или школами, допускаются к разрывам 3–4-го класса, могут вести группу.

Магистр — глубокая специализация, высокая устойчивость к магическому истощению, допускаются к сложным контрактам и закрытым зонам.

Старший магистр — редкий уровень, почти всегда связан с аристократическими родами и клановыми техниками; могут стабилизировать малые разломы.

Архимаг — единицы на весь мир, способны влиять на структуру реальности в локальных зонах; их контракты это государственные задачи.

— Гуннар, хорош читать уже! Баня стынет, пошли быстрее! — отвлекает меня старческий голос от столь познавательного чтива. — Чаёк, кстати, я уже подготовил, сейчас настаивается и ждёт нашего выхода. — И взгляд у него при этом такой хитрый, что уже не первый раз он мне про этот чай говорит, аж интересно стало, что же там такое.

— Да, пошли, потом как-нибудь дочитаю, основы я уже понял.

Глава 3

Зайдя в баню, я сразу теряю дыхание: лёгкие обжигает горячий воздух с каким-то дополнительным запахом, больше похожим на мяту с хвоей, чем на обычный пар.

— Ну-ну, чужак, ты чего такой слабенький? Мы только зашли, это ещё даже не парилка. Садись на полку, я щас ещё парку поддам, а то слабенько как-то, так и не прогреешься толком.

От его слов я едва не валюсь в обморок. Это он называет слабеньким? Мне кажется, здесь и черти из ада завоют, не то что люди. У меня закрадывается крамольная мысль: а точно ли он человек?

В общем, грелись мы минут тридцать, не меньше. Старик всё это время бегал и колдовал: то плескал на камни воды, холодно ему, видите ли, то доставал откуда-то пузырьки и тоже выливал их содержимое на камни. Кстати, откуда он их брал, я так и не понял — карманов на нём я не видел.

— Так, косточки нагрелись, теперь можно и в парилочку заскочить, — бодро говорит Кузьмич. — Давай вставай и не притворяйся, что ты умер или в обмороке и не слышишь меня. Я же вижу, как ты щуришься в мою сторону.

— Да понял я, понял. Чтож, должен был попробовать. Пошли дальше тогда, куда деваться. Вот всё никак не могу понять, откуда у него столько сил и такая бодрость в его-то годы. Кстати, а сколько ему лет?

— Кузьмич, а если не секрет, тебе сколько лет?

— Много будешь знать — быстро состаришься, — хмыкает он, доставая замоченные в какой-то мутной воде веники. — Давай, запрыгивай наверх на простынку и начнём.

* * *

Ещё через полчаса я вываливаюсь из бани и бреду к лавочке — отдышаться. Думал, этот проклятый старик решил отправить меня обратно в мой мир: с таким усердием он меня хлестал и такую температуру поднял, что я практически не дышал, а в висках ещё долго после пульсировал жар, как будто голову забыли выключить.

— Стой, парень! Ты куда собрался? Мы ещё не закончили, осталась последняя, немаловажная процедура. Давай дуй за мной и полотенце захвати, оно тебе пригодится.

Мы выходим на другую сторону бани, а там, прямо в земле… прорубь. Сказать, что я выпадаю в осадок — ничего не сказать.

— Чего уставился, как баран на новые ворота, Кар? Прыгай давай, она не глубокая, Кар, с твоими двумя метрами наверно по колено будет, Кар, ха-ха-ха, Карррр-ой-ой... шмяк, — откуда ни возьмись снова появляется эта болтливая птица и снова падает после своей «удачной шутки».

Подхожу к проруби, там есть лестница. Начинаю спускаться в воду, а она ледяная — внизу у меня всё так втягивается, что чижика наверно неделю не найду.

Собираю всю волю в кулак и несколько раз окунаюсь с головой. Глубина, кстати, была примерно по плечи, так что при желании можно и утонуть. Выбравшись из воды, чувствую себя так, будто несколько дней проспал — полон сил и энергии, а кожу приятно щиплет, словно её только что надраили наждаком и забыли смыть.

Сажусь за стол, а у меня уже стоит кружка с дымящимся чаем. Если судить по запаху, то как минимум в нём есть листья смородины, малины и чабреца, остальное не разобрать.

— Ну давай по кружечке бахнем и на боковую, а то время уже позднее.

Выпили чаю с плюшками, поговорили о всяких мелочах, и тут меня начинает штормить: как будто перепил, и начались вертолёты, причём в нехилой турбулентности. Плюсом ко всему резко заболела голова и начало крутить суставы. Последнее, что я вижу перед тем, как уйти в небытие — его довольная улыбка.

* * *

После того как парень вырубился, его начинает не слабо корёжить, отчего ворон аж встрепенулся:

— Ты чё, старый придурок, Кар, творишь? Хочешь его Кар угробить? Мне же тогда точно Кар каюк! — уже чуть ли не плача, проскулил ворон.

— Не боись, не помрёт!.. Ну, во всяком случае, не должен. Я его сегодня пол дня готовил: и в похлёбку, и в баньке, и в парилке зелья добавлял, и даже в прорубь специальную его отправил. Всё для того, чтобы пробудить в нём родовую память и усилить тело для приёма дара.

* * *

После того как я отключился, сначала плаваю в какой-то темноте, как будто в невесомости.

Сколько времени проходит — не понять, но потом начинается какой-то непонятный калейдоскоп событий, в котором я всё вижу и слышу от первого лица:

Сначала я какой-то воин с топорами в руках, бьюсь в заснеженной местности, сам как берсерк прыгаю на противников и веду за собой своих воинов.

Второе видение показывает, как я сижу на троне, и мне присягают на верность многочисленные вассалы.

По ощущениям я доволен сложившейся ситуацией, но так же понимаю, какой груз ответственности ложится на мои плечи — тяжёлый, почти физический, будто на спину взвалили мешок с камнями.

Третье видение — спустя несколько лет: я ухожу в горы на севере, устал от всего происходящего, от этих интриг и лизоблюдов. Хочется, как в старые добрые времена, ворваться в драку с ноги. И вот я в аномалии, смотрю по сторонам — рядом никого, прислушиваюсь к своим ощущениям — тоже ни одной человеческой души на многие километры. Поняв, что никого нет, чувствую свободу, и почему-то начинаю увеличиваться в размерах. Спустя несколько минут трансформации смотрю на мир с высоты не менее семи-восьми метров, оглядываю себя, насколько это возможно, и вижу огромные лапы, покрытые белой чешуёй, когти длиной сантиметров десять, и… я не могу поверить сначала своим ощущениям, а после и глазам — у меня огромные чешуйчатые белые крылья. Налюбовавшись собой, отталкиваюсь от земли и взлетаю на высоту метров в сто, направляясь в сторону гор. Спустя несколько минут полёта вижу его — не просто разрыв, а огромный, чёрного цвета. Влетаю в него и оказываюсь в другом мире — необузданном, диком, населённом такими же ящерами...

Четвёртое видение уже в другом теле: я так же правлю и веду в бой свои войска против врагов своей империи.

Таких видений несколько десятков, и многие из них заканчиваются полётами в тот же самый портал.

Последнее видение иное: тот же зал, в котором я когда-то принимал вассальные присяги, я понимаю всю неизбежность ситуации и просто принимаю её как данность. Меня окружают пятеро — главы родов, у них артефакт, который полностью блокирует мои силы, и скорее всего он из того мира, в котором живёт наш вид.

Своих детей я отправляю вместе с Кутузовым, он должен помочь им на первых порах, а потом приглядывать за моим родом по возможности.

Следующие видения проскакивают как одно: какие-то скитания, выживание на грани.

Последнее видение уже от лица Гуннара: родителей практически не помню, скитался по приютам, периодически сбегал из них. После последнего побега пошёл работать грузчиком, чтобы хоть как-то выжить, отработал несколько дней, после чего получилось снять маленький недорогой захудалый домик недалеко от аномалии — потому и дешёвый. И вот мой заслуженный выходной: купил себе шаурмы и решил поваляться, посмотреть, что там показывают по телеку. Как только уселся поудобнее, услышал хлопок, который слышал уже не раз в тёмных

районах города — это был выстрел, после которого я решил быстренько посмотреть, в кого там стреляют, но был неприятно удивлён, когда понял, что стреляли в мой дом, и услышал разговоры людей:

— Артефакт показывает, что этот человек где-то здесь, будьте внимательнее, не упустите цель!

А так как в округе жилых домов нет, я понимаю, что это за мной, и начинаю быстро двигаться в сторону леса. Но меня замечают, и начинается погоня: стрельба, небольшие взрывы от применения магии. Я падаю, поднимаюсь и снова падаю, и после очередного падения появляюсь Я.

* * *

Ворон не находит себе места, постоянно нервничает, ходит туда-сюда и грызёт свои любимые орешки, которые хоть как-то его успокаивают.

— Ну что там, Кар? Он уже три дня, Кар, потом обливается, Кар, и почти всё это время у него были судороги, Кар!

— А мне ты зачем всё это в пятый раз повторяешь? Я что, по-твоему, слепой? Кто за ним всё это время ухаживает? Я, в отличие от некоторых, хоть что-то делаю, а не причитаю и грызу орешки.

— А что, Кар, мне ещё делать? У меня же, Кар, крылья! — удивлённо говорит ворон. — И вообще, не я его в такое состояние вогнал.

Вся эта перепалка длится уже несколько дней. Прервал её резкий вздох, как будто человек долго не дышал.

* * *

Сначала пробивается сознание: я будто в невесомости и в кромешной темноте, но тела не чувствую, не могу пошевелить даже пальцем. Потом вокруг начинают проявляться какие-то стены, в конечном итоге складывается какое-то величественное каменное помещение. Появляется ощущение, что меня пристально изучают и выворачивают всё нутро наизнанку, спустя какое-то время слышится голос: «Хм... ну покажи, на что ты годишься, а потом посмотрим, хех», — хмыкает кто-то, и меня выбрасывает в тело.

Подрываюсь и резко вдыхаю, как будто не дышал вечность, откашливаюсь и говорю:

— Что за херня тут происходит? Ты чем меня опоил, сраный гном?

— Живой, Кар! Живой! Ха-ха-ха, я буду здесь жиииить, Кар! — и начинает прыгать эта всклокоченная, но до одури счастливая птица.

— Ну не серчай ты так, — говорит старик. — Это всё было для твоего блага: пробудить память Рода и заодно память Гуннара, то есть уже твою, усилить организм для пробуждения дара.

— Стоп, стоп! — поднимаю я руку в останавливающем жесте. — Ты хочешь сказать, что я и есть потомок того самого императорского рода Рюриковичей? Ну охренеть, не встать. Это получается, при желании я смогу сесть на трон законно?

— Ну-ну, губу-то не раскатывай, — с улыбкой говорит старик. — Во-первых, ты до сих пор не одарённый. Во-вторых, даже если всё сложится хорошо и ты пробудишься, что потом? Ты хочешь прийти в Кремль и сказать: я наследник предыдущей династии, отдайте мне трон? Не смеши, тебя сотрут в порошок, и ты даже не успеешь договорить предложение. Если ты знаешь про Рюрика, то знаешь, как и почему он погиб.

— Мдаааа... и действительно, что-то не подумал.

— Не подумал он, Кар, а голова тебе на что? Если ты не в курсе, Кар, то в неё можно не только есть, Кар, но и думать!

Тело ломит нещадно, болит голова, мышцы, кости — проще сказать, что не болит.

— Так, в общем, иди сполоснись в баньку, потом ужин и спать, а завтра начнём тренировки. А то три дня мучений не пошли тебе на пользу.

— Сколько? — удивляюсь я. — Уже три дня прошло? А я думаю, почему у меня желудок сводит.

Встаю с горем пополам, плетусь в баню, там откисаю, отмываюсь и иду в дом. Как захожу, вижу, что стол уже накрыт — как говорится, первое, второе и компот. Было ещё большое обилие мяса, и с каждым укусом, с каждой ложкой силы, казалось бы, стремительно возвращались, растекаясь по телу тёплой волной от живота к пальцам. Так же салат с какими-то странными овощами, сочные фрукты, вкус от которых бросает в настоящий гастрономический оргазм.

— Все поели, теперь ложись спать, организму необходимо усвоить энергию. Утром разбужу на рассвете.

* * *

Барон Злобин Андрей Афанасьевич, сорок лет от роду, ни жены, ни детей не имеет. Невысокого роста, с выпирающим животом, посредственный огненный маг второго ранга, но для простолюдинов — словно «Бог-огня», никудышный боец, как мечник, так и физик. Помимо всего прочего, незаконно добывает и реализует магические ингредиенты: кристаллы, органы монстров, полезные ископаемые, а также магический лес. Он скверный человек, любит унижать тех, кто слабее него, а перед более сильными приходится лебезить и унижаться, чтобы не прибили ненароком. Живёт барон, причём на широкую ногу.

Проживает на границе Империи в Алтайском крае, рядом с аномалией, заправляет криминалитетом, официальных производств не имеет. Есть небольшой особняк в три этажа, несколько деревень, которыми никто не занимается, а только забирают последнее.

Сегодня у него должна состояться встреча с наёмником Колей Матросом.

Коля Матрос — командир наёмников из ЧВК «Вепрь». Почему Матрос — этого никто не знает, но ходят слухи, что как-то раз его скинули с лодки, и он чуть не утонул, с тех пор к воде он не подходит, но погоняло осталось. Сам по себе он худой, невысокого роста, с хитрым взглядом. Дерьмо как человек. Берётся за любую работу, лишь бы за неё платили. Посредственный маг огня второго ранга, в бригаде ещё десять человек, из них один маг первого ранга, остальные пустые.

Этот наёмник должен был уничтожить последнего Рюрика. Хоть про них никто и не помнит, а многие и вообще не знают, Злобин вспомнил недавно, так как ему позвонили из банка и сказали, что несколько лет назад для его рода была оставлена ячейка от предка, предыдущего главы рода. В этой ячейке было письмо и артефакт поиска по крови. В письме было написано следующее: «Найди и уничтожь Рюриковичей, если они ещё остались. На наш род эту обязанность возложил род Нарышкиных, и за это даровали нам титул. И может, они об этом и не помнят, нас это не избавляет от обязанности. Если мы это не сделаем, а Нарышкины вспомнят и узнают об этом, то дворянства мы лишимся, и это малое, что с нами произойдёт. P.S. Артефакт последний, крови больше нет, используй его с умом и не угробь».

Барон сидел за массивным столом, когда к нему зашёл Матрос.

— Ну, чем порадуешь? — спросил Злобин, затягиваясь сигарой, так он подчёркивал свой статус.

— Мы облажались, — проскрипел Матрос. — Мы этого парня гнали несколько километров, но он ушёл в аномалию.

— Да ты издеваешься? — прокричал барон, и вся его аристократическая бравада испарилась, уступив место страху потери даже такой маленькой, но власти.

— Вы одиннадцать головорезов с артефактом крови не смогли найти пацана, и ты вместо того, чтобы шерстить аномалию, пришёл ко мне без подтверждения его смерти? За что я тебе плачу? — рыкнул барон.

— Мы облазили всю территорию, где относительно безопасно, тем более вы знаете, что пустые там долго находиться не могут. Артефакт как будто сбоит, показывает, что он где-то рядом, но там никого нет.

— Иди хоть землю носом рой, но найди мне его, и до того момента не возвращайся.

Глава 4

Проснулся я самостоятельно, рано утром, с первыми лучами солнца, пробившимися сквозь щель в занавеске и легшими тёплой полосой на лицо.

— О, проснулся? — спросил старик.

— Ага. Накормили вы меня вчера неплохо, спал хорошо, выспался, теперь готов к труду и обороне.

— Вот это я понимаю настрой! — сказал Кузьмич. — Давай иди на полигон, начинай разминку, я через минут тридцать подойду, и продолжим. Только не филонь!

— Понял, принял, побежал.

Вышел из дома и побежал трусцой в сторону полигона. Утренний воздух ещё держал ночную прохладу, пахло травой и дымком из печной трубы. Когда-то, ещё во времена учёбы, занимался спортивным самбо, потом перешёл в смешанные единоборства, да и без спорта в моей жизни хватало всякого, как и травм… Но сейчас не об этом.

Главное — я знаю достаточно о разогреве тела. Пробежал несколько кругов, параллельно разминая суставы рук и шеи плавными вращательными движениями, постепенно увеличивая амплитуду.

После пробежки занялся остальными суставами, затем перешёл к растяжке: сначала обычной — наклоны, попытка сесть на шпагат, которая почти удалась, тело хоть и слабое, но на удивление гибкое. Постепенно перешёл к динамической растяжке: махи руками, ногами, выпады, скручивания корпуса.

В общей сложности всё это заняло сорок минут по ускоренной программе. Как только остановился и выпрямился, услышал хлопки за спиной.

— А ты, чужак, не так плох, как я думал, не всё потеряно. Если я правильно понял, ты в своём мире занимался какими-то боевыми искусствами?

— Да, — ответил я.

— Тогда можно будет упростить задачу. — Старик быстро вернулся туда, откуда пришёл, и притащил две деревянные палки, похожие на мечи. — Держи, это муляж меча, вес и форма соответствуют стандарту Империи, но им хотя бы не порежешься. Смотри на меня и повторяй.

Сначала мы отрабатывали стойки — поправлял меня старик не словами, а аккуратно двигая, точнее, мощными ударами по той конечности, которая находилась в неправильном положении. От каждого такого «уточнения» в руке или ноге потом долго гудело.

— Ай, да сколько уже можно меня бить? Можно же сказать по-человечески! — с обидой в голосе сказал я. Старик-то, впрочем, не слабый, в его сторону со словами лучше поосторожнее.

— Буду бить, пока не освоишь хотя бы три основных стойки, и чем дольше ты будешь ошибаться, тем сильнее буду бить.

Так продолжалось часа четыре, примерно до половины десятого утра.

— Так, закончили! Сейчас завтрак, а дальше с Хугином на тренировку!

Старик заметил моё облегчение и добавил:

— Ты шибко-то не радуйся, после обеда тренировка опять со мной, хе-хе, так что давай сильно не задерживайся.

Завтрак был восхитительным! После него снова был готов к тренировкам.

Немного отдохнул, чтобы жирочек завязался, и пока сидел, по старой привычке потянулся в карман за сигаретами, но увы и ах — пусто.

Кузьмич это заметил и спросил:

— Курил, что ли?

— Да, — ответил я. — Достаточно долго, чтобы сформировались определённые привычки.

— Ну вот тебе стимул: пробудишь силу, дорастёшь до старшего магистра — и можешь снова курить, ха-ха-ха. А теперь марш на тренировку!

Встал, увидел неподалёку сидящую птицу и спросил:

— Ну что, Хугин, куда идём?

— Давай, кар, за мной! — и полетел в сторону свободной полянки недалеко от загона.

Когда добрались до места, началось самое нудное, то, что я ненавидел и не понимал больше всего: медитация.

Я и так-то спокойно сидеть не мог, а тут… нет слов, в общем. Мысли у меня, как всегда, готовы были пробить черепушку — метались с такой силой и частотой, что хотелось выть.

— Давай, кар, садись в позу лотоса, кар, руки клади, кар, либо на колени, либо, кар, на уровне живота — так даже лучше.

Сел, выполнил все наставления и жду дальнейших указаний.

— Так, кар, молодец! Расслабься! Кар, подбородок опусти немного ниже к горлу, кар. Да, вот так, молодец, кар, глаза до конца не закрывай и направь взгляд на кончик носа, кар. Следи за дыханием, кар! Глубоко и ровно, кар, не торопись… сосредоточься и постарайся почувствовать что-нибудь инородное, новое внутри себя или снаружи.

Так время и потянулось. Очнулся я от того, что эта проклятая птица, сидя у меня на плече, клюёт меня в голову и кричит:

— Не спать, кар! Не спать!! Я тебя разве на тихий час, как в садике, привёл?

— Да всё, всё, не сплю, успокойся ты уже, падла пернатая! Ты не Кузьмич, тебе я мигом перья повыщипываю!

И тут я понял, что сказал лишнего. Меня будто поездом придавило, в землю впечатало так, что чуть изо всех щелей не полезло, в общем — температура внутри мгновенно подскочила градусов на сорок.

— Ты, чужак, ещё не имеешь права со мной так разговаривать. Ты меня понял? — прозвучал инфернальный голос этого монстра, который даже ни разу не каркнул.

— Понял, принял, осознал. — Сразу сел в правильную позу, всё как учили.

— Вот так бы сразу, кар! — сказал самодовольный птиц спустя час.

— Что-то, кар, чувствуешь?

— Да, появились какие-то фантомные ощущения, будто в груди что-то есть, и как будто снаружи меня касаются частицы песка, что ли.

— Это, кар, замечательно! Фантастика! Я гениальный учитель, кар! — Начал прыгать, крутиться и махать крыльями.

Кхм, прокашлялся, покрутил головой, посмотрел на меня и сказал:

— Посредственность, давай продолжай!

Спустя ещё три часа меня отпустили на ужин и даже похвалили:

— Ну, в общем, кар, молодец! Так держать! Авось что-то да получится, кар. Главное, учись смотреть внутрь себя, да увидишь. А теперь давай, кар, на обед.

После обеда дали передохнуть часа полтора, а потом снова тренировка с Кузьмичём.

На полигоне начали учить каты, движения. Пока толком ничего не получалось, но главное — не останавливаться.

Дальше время полетело стремительно, день за днём: с утра тренировка с Кузьмичём, завтрак, тренировка с Хугином, обед, перерывчик и опять тренировка с Кузьмичём, ужин, банька, укрепляющий чай, сон.

На пятый день тренировок появились кое-какие подвижки в занятиях с птицей.

— Хугин, — позвал я ворона и сразу предупредил, — подожди, не бей! У меня за это время шишек на голове прибавилось достаточно. Мне кажется, я что-то вижу, что-то летает в воздухе, это не переутомление случаем?

Я второй раз видел ворона с такими глазами, словно они сейчас вылетят из орбит. Он нахохлился и сказал:

— Да ладно, кар, не может быть! Это, кар, невероятно, ты видящий, если я всё правильно понял и ты не ошибаешься в своих ощущениях…

— Ты мне спокойно объясни, что это значит.

— Вот же, кар, неуч! Ай, забыл, кар. Видящих ману, кар, линии силы, потоки, структуры заклинаний, кар, не больше сотни на всей планете! Да тебя, кар, да тебя… — он аж задыхаться начал.

— Убьют, — закончил за него стоящий за его спиной Кузьмич. — Никому об этом не говори, пока не поступишь в университет, и там не все должны знать. Иначе кто-нибудь приберёт тебя к рукам, чтобы возвысить чужой род, — добавил старик.

Эйфория и радость сразу отступили, спустив меня с небес на землю.

— Понял, буду осторожен и буду следить за своим языком.

Тренировки с Кузьмичём тоже приносили плоды — спустя три дня после их начала я уже выполнял многие движения на автомате. Даже спарринг короткий устроили: меня, конечно, размотали как тузик грелку, но пять минут я продержался.

— Уже неплохо, для начала я бы сказал замечательно.

Прошло ещё дня четыре в таком темпе: тренировка, тренировка и ещё раз тренировка.

* * *

На веранде ночью, под светом луны, пока Гуннар спал, шёл диалог между птицей и человеком:

— Ну и что, кар, думаешь на его счёт? Лично я такого быстрого прогресса не ожидал, кар.

— Да, согласен с тобой… скорее всего, ему помогает память рода. Те три дня, что он провёл в их шкуре, явно отпечатались у него в подсознании, и он неосознанно этим пользуется, другого объяснения нет. — Немного помолчав, добавил: — Пора вести его в аномалию, да в разрывы. Я думаю, там он раскроется ещё больше и быстрее, в стрессовой ситуации, а я его прикрою, если уж совсем худо будет.

— Согласен, кар, я думаю, он готов к пробуждению, но раз сам этого не понимает, ничего сделать не может, или же его что-то или кто-то держит.

— Не исключено… Ну, в общем, на том и порешим, завтра с утра пойдём.

* * *

Спустя неделю тренировок…

Просыпаюсь с утра, как обычно, умылся, оделся, собрался на полигон. За эти десять дней, что я нахожусь в этом мире, моё тело претерпело значительные изменения: на руках начал появляться объём и рельеф, даже на животе стали прорисовываться кубики пресса, что смотрелось довольно эстетично, плечи немного раздались — и всё это не могло не радовать. От мыслей о прекрасном и мне любимом меня отвлёк Кузьмич:

— Сегодня сильно не нагружайся, разомнись и всё, пойдём за ограду, а то засиделись уже, а тебе ещё надо успеть пробудиться до конца приёмной кампании в универе. В тепличных условиях этого не добиться — только страх, адреналин, угроза жизни и, конечно же, убийство монстров. Чем больше их убиваешь, тем сильнее становишься. При убийстве выделяется энергия, которая отправляется на укрепление и усиление ядра добившего. Да и за забором, как и в разрывах, магии всяко больше, чем здесь. Меч и щит я сейчас подготовлю, кое-какая амуниция у меня есть, лишней не будет. Давай через тридцать минут подходи сюда.

После разминки, как и договаривались, я подошёл к дому. Кузьмич уже стоял у крыльца, на котором разложил всё обмундирование.

— В общем, смотри и слушай: меч и щит вот лежат, два топора пригодятся, метательные ножи засунешь в специальный подсумок, да ещё возьмёшь с собой сумку под ингредиенты. Я буду рядом как наблюдатель, подскажу, что и кого вырезать, если что. Дальше: раз ты только

видишь, но не пользуешься, артефакты никакие не дам, а то будешь полагаться на них, и ничего не добьёмся. Вот сбрую надевай: наручи, нагрудник, латы на ноги — всё крепкое, весит не больше тридцати килограммов, движения не сковывает, единственное — будешь немного медленнее, чем обычно.

Выслушал наставления, снарядился и вроде как готов к подвигам.

Защита, как и говорил Кузьмич, тяжеловата, но не настолько, чтобы сильно мешать. Ещё дали обувь с металлической защитой, и откуда у этих двоих взялись мои размеры — загадка.

— Всё, я, в принципе, готов, можем идти.

— Ну пошли, раз готов, — сказал Кузьмич и крикнул: — Хугин, мы пошли, если что — догоняй!

Выйдя за калитку, меня опять придавило, как и в прошлый раз, но в этот раз давление было меньше, как бы не в два раза, а значит, двигаться смогу подольше.

— Ну и как ощущения? Что чувствуешь?

Описал им ситуацию с ощущениями и самочувствием. Тут на плечо сел ворон и спрашивает:

— А ты, кар, балбес, магическим зрением осмотрелся? — и потихоньку клювом ущипнул меня за ухо.

— О, и точно, забыл, ещё не привык к такой опции.

Сосредоточился, как учили, открыл глаза — и тут мир взорвался яркими красками. Местами потоки маны текли спокойно, ровными лентами, местами в них били завихрения, как будто что-то вносило в течение хаос, закручивая потоки в узлы.

Кстати, посмотрел по сторонам, пригляделся — и кого, вы думаете, я увидел в лесу? Ну конечно же, проклятую белку.

— Ну всё, падла, беги! Папочка вышел на охоту. — А потом вдруг вспомнил и спросил: — А кстати, Волкодав где? А то не хотелось бы с ним сталкиваться.

— Они здесь редкие гости, маны в этих местах мало для них, они обычно обитают поглубже, километров на десять, сами они представители разрывов «С»-класса.

— Надеюсь, сегодня он маршрутом не ошибётся, — сказал я.

— Ну что, кар, пошли белок гонять, ха-ха-ха, кар!

В итоге я повёл свою гоп-компанию в сторону белки, которую заметил ранее, меч и щит наизготовку. Белка сейчас не в толпе, а значит, особо не рыпается. Выглядит почти обычно: такая же красивая, пушистая, только размером раза в три больше и глаза красные.

Я собрался с силами и попёр на неё. Что я могу сказать об этом бое: белка тоже не растерялась… и начала убегать.

Спустя минут пять понял, что затея гиблая, остановился и пошёл обратно. Подошёл поближе к этим двум наблюдателям, вижу — ворон катается в припадке и кричит:

— Ха-ха-ха, кар, не могу, кар, я уже лет сто так не смеялся, кар, тебе в цирке выступать, кар, не пропадёшь.

Только я собрался что-то ответить этой птице, услышал сзади воинственный писк: «Пии-пи, пи-пиии!» Смотрю, а в мою сторону бежит с десяток этих грызунов — видать, пришли мстить.

Думаю, уж это не сотня, надо попробовать.

Вышел, поднял щит и меч, и сразу же первая прыгает в мою сторону — пиии! Отбиваю её щитом, замахнулся добить, а тут сбоку прыгает другая, успел оттолкнуть ногой, поворачиваюсь обратно — а первой уже нет. Долго привыкал к их скорости и немного нервничал, всё-таки нечасто я раньше живодёрил. Но вскоре всё изменилось: не успел отмахнуться — ааа, сука, укусила одна за плечо руки, в которой был щит, пока отвлёкся на боль, вторая цапнула за ногу. Меня будто холодным душем обдало, я сконцентрировался, вспомнил всё, чему учили, и то, что видел во сне. Первым же ударом белка разлетелась на две части, меня оросило кровью,

и накатило что-то вроде мгновенной эйфории, тут же пропавшей. Я подумал: это было чувство удовлетворения или то, о чём говорил старик — перепадает тому, кто добил или участвовал? Но как ни странно, хотелось ещё. Вторая прыгает — отбиваю её щитом, тут же замечаю боковым зрением третью, только начавшую прыжок, и с разворота разрубаю и её, плюс ещё одна в копилку. Испытываю такое же чувство эйфории — значит, старик не соврал, и я оказался прав: чем больше убьёшь, тем лучше. Ха-ха-ха, рассмеялся и сам рванул в сторону белок с маниакальным криком: «Хочу ещёёё! Идите к папочке!»

* * *

— Идите к папочке! — сказал Гуннар.

— А это вообще нормально? — спросил ворон, глядя на этот геноцид белок.

— Я точно не скажу, но ты же помнишь особенности их рода? — спросил старик.

— Кар, да! — кивнул ворон. — Как бы там ни было, кар, это всё равно странно.

— У них маниакальная жажда силы, они поглощают её в большем количестве, чем обычные люди, да ещё чересчур жадные и жуткие собственники. — Немного помолчав, Кузьмич добавил: — Я думаю, скоро мы сами всё увидим.

А Гуннар тем временем двигался всё быстрее и увереннее, а белки всё прибавлялись.

Спустя час то же место.

— Я бился как прокажённый, за это чувство готов убивать их пачками. Поначалу я их считал, но ближе к сотне сбился. Вошёл во что-то типа боевого транса — так вроде называл Кузьмич это состояние, — но силы не бесконечны, я пришёл в себя и начал стратегическое отступление.

— Ну что, кар, гроза белок? Домой? — крикнул мне ворон. Сил язвить не было, поэтому крикнул в ответ, что да, белки вроде как тоже решили передохнуть и перегруппироваться. В конечном счёте разошлись сторонами. Да, кстати, чуть не забыл трофеи.

— Кузьмич, подскажи, что тут и как?

— Вот смотри, — взяв белку в одну руку, а в другую нож, он приступил к вскрытию. — Вскрываешь грудь, в девяноста процентах случаев кристалл находится здесь, их тоже можно продавать, они не редкие, поэтому не шибко дорогие, но всяко дороже шкурок в несколько раз. Их используют как батарейки, когда научишься управлять энергией, сможешь их поглощать, не все так могут, большинство людей просто сожжёт каналы, а тебе поможет родословная.

По итогам моей прогулки получилось сто семьдесят четыре кристалла из ста девяноста трёх белок — улов шикарный. Шкурки брать не стали, да и остальные органы тоже, возни больше, чем пользы.

По дороге к нашему оплоту Кузьмич поинтересовался:

— Ну как тебе? Понравилось?

— Да, — кивнул я. — Это было неописуемо, чем больше получаешь, тем больше хочется.

— Да, такое бывает, главное — контролировать себя и рассчитывать силы, а то и помереть недолго.

— Ага, кар, на памятнике так и напишут: пал смертью, кар, храбрых от лап, кар, белок, ха-ха-ха, кар, не могу.

Ближе к вечеру добрались домой, растопили баньку, Кузьмич накрыл на стол, покушали, помылись и легли спать.

Глава 5

Матрос после разговора с Бароном почти не вылезал из аномалии: выводил бригаду на короткий отдых и сразу гнал её дальше, вглубь леса.

— Шеф, может, ну его нахрен, того щегла? Сколько дней уже ищем, и даже следов его пребывания нет, — произнёс один из подчинённых, устало сплёвывая под ноги.

— А что Барону сказать? — от безысходности спросил Матрос у бригады.

— Артефакт сломаем, скажем, наткнулись на какую-нибудь тварь, и все дела, тем более сам сказал, что таких больше нет, — предложил маг льда.

— Так-то ты верно мыслишь, — сказал Матрос. Он помолчал, достал артефакт и покрутил его в заскорузлых пальцах — была не была, включить напоследок, мало ли что. Экран мигнул, и сигнал оказался чётким, таким же, как в первый раз, когда они гнали того пацана.

— Парни, бегом собираемся и в аномалию! Сигнал чёткий, он примерно в двадцати километрах на восток! — крикнул радостным голосом Матрос.

Через пятнадцать минут бригада уже входила в аномалию. Ближе к вечеру сигнал начал барахлить — то пропадал, то просто моргал, будто издевался.

— Чёрт, опять сигнал пропал. Пошли хоть посмотрим, где он лазил и чем занимался, — с явным сожалением проговорил командир.

Минут через двадцать ходьбы они вышли на поляну среди леса. То, что открылось взгляду, тянуло на ад земной.

— Да ну нахрен, это что за зверь тут завёлся? Всё в крови и кишках, — сказал боец, шедший впереди, и невольно отступил на шаг.

— Ты смотри туда, — один из бойцов указал на кучу беличьих тушек.

— Похоже, это тот, кого мы ищем, — постановил Матрос. — Зверь потрошить тушки ради кристаллов не станет.

— Надо доложить Барону, что всё не так просто, как говорили поначалу. Иначе он и нас порубить может, — негромко сказал маг льда, подойдя к Матросу.

* * *

Утро следующего дня. Особняк Барона Злобина.

Барон пребывал в на редкость неплохом настроении: его промысел по добыче ресурсов из разрывов вышел на новый уровень. Бригады больше не истребляли всех монстров подчистую — последнего оставляли живым и сажали в клетку. Пока разрыв держался открытым и никто не нападал, можно было спокойно выгребать из него всё, что душе угодно, а после продать с хорошей наценкой.

Сегодня к нему опять пришёл Матрос.

— Ну-с, надеюсь, ты с хорошими новостями? Давай выкладывай, что у тебя там.

— Мы вышли на его след, но сами не справимся...

— Нууу, мне нужны подробности! Откуда такие выводы? — спросил Барон, начиная заводиться.

— Вчера вышли на поляну, где этот маньяк развлекался, а там всё в крови, кишки разбросаны повсюду, сотни монстров порублены в хлам, только камушки повыковыривал, — Матрос не стал уточнять, что это были белки, иначе помощи им было не видать.

— М-да, не ожидал, если честно, от того, кто убегал, сверкая пятками. Хорошо, у меня есть ещё одна бригада, они как раз недавно освободились, вот их номер, — он подал визитку Матросу. — Скооперируетесь и отработаете в паре.

— Это что, Бременские музыканты? — вытаращил глаза и с испугом спросил Матрос.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся хриплым голосом Барон. — Я их так и припечатал. Зато надёжные. А теперь пшёл вон отсюда!

* * *

Просыпаюсь с утра полный сил и энергии — даже почти ничего не болит, кроме царапин. Кстати, почему-то всё заживает подозрительно быстро. Решаю расспросить об этом старика.

— Это всё твоя наследственность. Ты начал подпитывать организм маной, а она способствует регенерации. Как пробудишься — все процессы ускорятся в несколько раз.

Ничего себе, это же натуральный чит. Хотя к магии я всё ещё не привык — сам ей пока не пользуюсь.

— Ну что, КАР, Потрошитель белок, в лес КАР пойдём? — спросил ворон.

— Да, надо собираться.

Через полчаса мы уже стоим у ворот.

— Ты смотри, если что, я не вмешиваюсь ни во что, только наблюдаю, — говорит Кузьмич. — Ну и советчик из меня, так что если что, на меня не рассчитывай, а сразу отступай.

— Хорошо, понял, без геройств.

— Раз понял, тогда пошли, — говорит старик.

Сегодня идём в противоположную сторону. Бредём около часа, когда слышится странный звук, будто что-то тащат по земле. Прохожу ещё с десяток метров и вижу муравья — чёрного, примерно метр в длину и полметра в высоту. Хитиновый панцирь тускло отблёскивает в пробивающемся сквозь кроны свете. Из-за дерева выходит ещё один.

— Это рабочие, с ними проблем быть не должно, особенно в таком количестве.

— Понял, — говорю я и иду на него. На лице сама собой появляется оскал. — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

Чем ближе подбираюсь, тем сильнее ускоряюсь, подлетаю и со всей дури рублю тварь по спине — дзаннь! Меч отскакивает, аж руки сводит от удара.

— Ты в сочленения бей! Там защиты нет! — кричит сзади Кузьмич.

* * *

— А почему ты, КАР, ему не сказал, КАР, что они уже подмогу КАР позвали?

— Пусть сам шишки набивает, да и стресс ему нужен.

— Ну хоть бы, КАР, сказал, что им только голову отрубать надо, КАР.

— Г-мм... хм-м. На ошибках учатся, и вообще не стоило никаких советов давать, — ответил Кузьмич.

— О, вон, как раз смотри!

А там Гуннар как раз разрубает муравья пополам и разворачивается ко второму. Пока он бьётся с этим, недобитый первый подползает сзади и бьёт его в ногу.

— Аааа, падла, как же больно! — и с разворота он прорубает ему голову, хромая, отходит в сторону. Второй муравей замечает слабину и решает нарастить успех. Три минуты боя, и всё кончено...

— Фух, устал, — говорит Гун и садится на спину поверженного муравья. — И ещё там, где проткнули, жжёт нещадно.

— Это из-за кислоты, будь осторожен. У красных воинов она может парализовать.

— Кстати, КАР, ты рано расслабился, КАР, у тебя гости, хе-хе, КАР.

* * *

— М-да, я так понимаю, просто так меня отсюда не отпустят. — Оглядываюсь по сторонам и вижу, как ко мне со всех сторон ползёт десяток муравьёв. Радует одно: это не воины.

Прошло три часа...

Муравьям нет ни конца ни края. Я весь в грязи, в своей крови и в крови монстров, меч и щит уже исчерпали ресурс — пришлось достать два топора, которые мне не зря дал Кузьмич, и продолжить работу.

Спустя ещё два часа силы на исходе, и я начинаю стратегическое отступление. А вот муравьям плевать на потери — они всё равно идут за мной.

Разворачиваюсь и бегу трусцой обратно, насекомые за мной не поспевают. Ингредиенты с них не собрать — не дадут времени, хотя жалко, столько трудился впустую.

Слышу человеческий крик и поначалу даже радуюсь:

— Матрос!!! Я нашёл его! Давай сюда! — и тут до меня доходит, что пора ускоряться. Боец стоит прямо на пути к дому, обегать смысла нет, неизвестно, сколько их тут ещё.

Рвану навстречу — он аж теряется от неожиданности. Остаётся метров десять, когда слышу шебуршание сбоку. Поворачиваю голову: в меня запускают два ледяных копья. Прыгаю вперёд кувырком, встаю на ходу, выхватывая топор, и сразу бросаю его в стоящего впереди бойца. Слышится хруст, и он заваливается на спину с топором в груди. Пробегаю мимо, выдёргиваю топор и бегу дальше — адреналин подскакивает, сердце аж заходится.

Бежать приходится зигзагом, чтобы сосульками не срубило... От одной особо крупной еле увернулся — она пробивает огромное дерево впереди насквозь, и то рушится прямо за мной, отрезая путь преследователю.

Только я обрадовался, что оторвался, как вижу — мне наперерез бежит ещё один, с мечом и щитом. Номер с метанием топора тут не прокатит.

Прыгаю на противника — точь-в-точь как в том видении, поднимая топоры над головой и чуть разводя их в стороны... Дадах! Деревянный щит разлетается в щепки, а противник бьёт мечом, да так быстро, что с трудом успеваю отбивать. И тут удар сверху: дзанн — руки чуть не отсохли. Топоры опускаются вниз, придавленные мечом, и соперник тут же разворачивает кисть, бьёт обратным ходом вверх, пробивает нагрудник, почти разрубая правую руку, и рвёт ключицу.

— Арррр! — рычу я от боли и, пока он не вернул меч в исходное положение, левой, ещё целой рукой вонзаю топор прямо ему в голову. Не теряя ни секунды, выдёргиваю его и бегу дальше.

— Молодец, КАР! Так держать! — я уже и забыл, что они здесь, крови потерял порядком. Сзади слышны крики, но я даже не думаю сбавлять темп — иначе смерть.

Минут через десять примерно добираюсь до дома, еле попадаю в калитку. Голова кружится, бегу юзом. Доползаю до крыльца и падаю на него без сил.

* * *

После того как Гуннар упал на крыльце, ворон опять чуть не ударился в истерику:

— Опять я его не уберёг, КАР! Бедные мои перья, КАР!

— Хорош причитать, лучше лети в баню и принеси мою сумку, она там на стене висит, и побыстрее.

Пока ворон летит, Кузьмич перетаскивает парня в дом, на кровать. Битва вышла что надо, просто опыта маловато, но это дело наживное. В следующий раз будет умнее.

— Вот, КАР, держи!

Старик достаёт из сумки несколько склянок и баночек: в одних плещется что-то жидкое, в других — мази.

Часть жижи выливает на рану, остальное заливает парню в рот. Через полчаса срабатывает зелье регенерации: раны затягиваются частично, но не до конца — слишком серьёзные. Грудь распорота от живота, видно, что рука приняла основной урон, иначе не факт, что выжил бы. Рука держится на честном слове, кость практически перерублена.

Через час старик заканчивает с ранами, отмывает парня от крови и говорит: — Дня через четыре-пять встанет.

* * *

Какое-то время назад на месте битвы.

— Ну и чё, Матрос, упустили твои овечки добычу? Хах, — спросил грубым насмешливым голосом командир музыкантов.

— Ещё и двоих потеряли, кучка дебилов, с пацаном справиться не смогли.

Матрос молчит, ему нечего ответить Псу — тот прав.

— Он потерял много крови, не факт, что далеко ушёл. По следам найдём, — прошипел Кот.

В составе Бременских музыкантов все были одарёнными — никто не знал их настоящих имён и не видел лиц: маски те не снимали никогда. Пёс, Кот, Осёл и Петух. Самым главным и самым сильным был Пёс, маг третьего ранга, стихия ветра.

— Согласен, выдвигаемся. Артефакт давай сюда, вы и так можете поискать, всё равно толку мало.

Спустя какое-то время они находят оборванный след крови — следы ботинок тоже исчезают, будто парень телепортировался.

— Да ладно? — удивился Осёл. — У него либо пространственный артефакт, либо мы чего-то не знаем.

— Ладно, расходимся, дальше искать смысла нет. Ждём, когда очухается и выйдет, а это дня четыре-пять, не меньше, — постановил Пёс.

* * *

Осознаю себя снова в той же зале — она кажется ещё величественнее, чем прежде.

— А ты неплох, чужак! Лучше, чем твой предшественник, и сражался неплохо, — прогремел, будто со всех сторон разом, властный голос, привыкший повелевать. — Опыта маловато, но, учитывая, что ты только меч в руки взял, это замечательно. А тот твой прыжок с топорами? Ммм, фантастика, я даже заскучал по старым временам. Ну да не об этом сейчас.

Голос умолкает, а я не решаюсь ничего сказать — мало ли что.

— В общем, я дозволяю тебе пробудиться, но вот тебе условие: это должна быть битва за выживание, иначе никак. НАМ СЛАБАКИ НЕ НУЖНЫ! — прогремел голос. — И не вздумай юлить, я всё вижу, — казалось, говоривший при этом улыбнулся.

— А как пробудишься, мы с тобой пообщаемся! А сейчас иди восстанавливайся.

И я снова ухожу в беспамятство.

* * *

Спустя три дня.

— Ну что там, КАР?

— Восстановился практически, как будто ему помогают. Я бы так быстро его не поднял.

— Думаешь, КАР, род? — вмиг посерьёзнел ворон.

— Думаю да, скорее всего он скоро пробудится.

* * *

Когда прихожу в себя, чувствую себя вполне сносно — посечённые места, конечно, побаливают, но это терпимо. Сажусь на кровати.

— О, КАР, очухался! Ну поздравляю тебя, КАР, можно сказать, с посвящением. Битва была — зачёт, КАР. Даже без своих шуточек. Интересненько.

— Проголодался? — спрашивает Кузьмич.

— О да, я бы сейчас слона съел и добавки попросил.

— Ну тогда умывайся, а я пока на стол накрою.

Встаю, немного потягиваюсь, разминаю мышцы. В бочке с водой разглядываю отражение: шрамы вышли немаленькие, да ещё и рваные. Муравьи тоже потрепали знатно — порезов двадцать точно наберётся, и на руках, и парочка на лице, на ногах. Ну ничего, как у нас раньше говорили: шрамы украшают мужчину. Умываюсь и захожу в дом.

— Давай садись, налетай, КАР, поторопись! — и почему этот ворон такой довольный? Подозрительно, даже не сквернословит.

— Что помнишь? — спрашивает Кузьмич.

— Да всё помню, вплоть до дома и даже больше.

Эти двое переглядываются, и старик спрашивает:

— Поделишься? Аль секрет какой?

— Я бы не сказал, что это секрет, — и я рассказываю им всё.

Оба мрачнеют.

— Вот, значит, как. Тогда затягивать нельзя: через месяц уже закончится приёмная кампания в университет, а тебе, помимо пробуждения, надо будет потренироваться, да ещё и денег на обучение заработать, — говорит Кузьмич.

— Кстати, у меня нет документов, они в доме остались.

— Я, КАР, завтра слетаю посмотрю, КАР, — серьёзно говорит ворон. У него будто бы появилось ко мне какое-то уважение.

— Буду благодарен, — киваю я.

— Да, КАР. Как появятся деньги, КАР, купишь мне орешков, КАР!.. — помолчав, добавляет: — Солёных.

— Хех, хорошо. Кстати, а сколько я провалялся-то?

— Трое суток, — припечатал старик.

— Опять? Какая-то хреновая тенденция получается, — говорю я.

— Есть такое. Давай отдыхай, а завтра снова начнём тренировки, немного подтянем тебя. Восстановишься полностью, и, возможно, пойдёшь в разрыв — это будет куда сложнее, возможно даже в ранг «D». Судя по тому, что ты вытворял с белками и муравьями, в ранге «E» тебе делать нечего. Да, там будет сложно, но угрозы жизни не возникнет, а тебе необходимо пройтись по краю.

— Хорошо, — со вздохом соглашаюсь я.

Глава 6

Утро девятнадцатого дня встаёт мокрое, серое, с низким туманом по самые колена ограды. Я сижу на коньке избушки и чищу клювом маховые, одно за одним, и злюсь. Злюсь на перо, которое ломается у самого стержня, на сырость, которая легла на крышу, на себя. На себя больше всего.

Кузьмич выходит на крыльцо с ковшом, выплёскивает воду под корень старой рябины и щурится вверх.

— Ну? Четвёртый день тянешь. Обещал мальцу слетать — так лети.

— КАР. Не твоё дело, старый.

— Моё. — Он ставит ковш на перила. — Он документы ждёт. Без бумаг он никто, а никто в университет не идёт.

Я переступаю лапами по мокрому дереву. Вот уж кому легко рассуждать, сидя за рунной оградой.

— А ты знаешь КАР, сколько их там стояло? — говорю я. — Матросовы ходили по кромке парами, с утра до темна. У одного КАР артефакт крови на шее болтается, у второго собака. Собака, Кузьмич! Я туда сунься — они по вороньему следу поймут, что след не вороний. КАР.

— Ну а теперь?

— А теперь трое суток никого. Снялись. Не то устали, не то их новые КАР подняли, те, в масках. Я с осины два утра смотрел. Пусто. — Я встряхиваюсь, роняя капли. — Вот и лечу. Не потому что ты велел.

— Конечно не потому, — соглашается он, и мне хочется клюнуть его в лысину.

Я поднимаюсь тяжело, по-стариковски, сперва вверх на три взмаха, потом по кругу над двором, и с высоты вижу сквозь приоткрытое окошко светлую макушку на подушке. Спит. После вчерашнего он и должен спать: Кузьмич гонял его до темноты, и парень под конец встал посреди поляны, запрокинув голову к небу, руки висят, заведены чуть назад, грудь ходит как кузнечный мех. Я эту позу знаю. Я эту позу видел у его прадеда, когда тот рубил чучела до кровавых мозолей, и у деда, и у отца тоже. Кровь дурная, упрямая, и поза дурная, упрямая. Ладно. Пусть спит.

Ограда подо мной светится слабо, зелёным, руны проступают в тумане как угли под золой. Я прохожу над ней и тут же чувствую, как мир меняется: давление аномалии отпускает затылок, воздух становится пресным, обыкновенным. И сразу, будто только того и ждало, подкатывает под рёбра.

Опять. Опять я лечу туда, где не успел.

Я помню каждый дом, из которого выносили этот род по частям. Усадьбу под Тверью, где мать с младенцем ушла через ледник, а я сидел на трубе и считал факелы, и насчитал на сорок больше, чем нужно было, чтобы понять: не унесут. Хутор в Пошехонье. Дом на излучине с кривыми яблонями. У всех у них одинаково пахнет после. Горелое дерево, мокрая зола, железо. Творец дал мне глаза, чтобы видеть, и крылья, чтобы успевать, а я успевал ровно настолько, чтобы запомнить.

Ветер под левое крыло, и я ухожу от кромки влево, к ельнику. Над лесом идти муторно: ели цепляют брюхом тумана, воздух вялый, не несёт. Но поверху нельзя. Поляны я обхожу по дуге, широко, не срезая, потому что те четверо, в масках, сидят не на дорогах, а именно на прогалинах, где небо открыто. Тот, который Пёс, работает ветром. Маг третьего ранга, а значит, видит движение в воздухе раньше, чем успеешь понять, что тебя считают. Птица над поляной для него — не птица, а дырка в его потоке.

Так что я иду краем, вдоль оврага, перескакивая с макушки на макушку, замирая там, где густо. Один раз шарахается из-под меня тетёрка, и сердце у меня подпрыгивает к самому клюву, глупое старое сердце. Больше ничего. Дважды вижу кострище, оба холодные, трёхдневные, обложенные камнем по-армейски, аккуратно. Матросовы. Снялись, значит, вправду.

К девятому часу лес редеет, и справа, за полосой осинника, открывается поле с жёлтой стернёй, а за ним деревня. Я сажусь на сухой сук и долго смотрю, пока глаза не начинают слезиться от ветра.

Дым. Печной, ленивый, из четырёх труб сразу, стелется по огородам и никуда не торопится. Баба тянет ведро от колодца. Мальчишка гонит двух гусей хворостиной, и гуси орут на всю округу. У крайнего двора мужик правит косу, и звяк его железа доходит сюда с опозданием, как эхо.

Если бы в деревне стояли чужие, бабы ходили бы иначе, и гуси бы не орали, и дым был бы не из четырёх труб, а из одной, самой богатой, где ставят постой. Я этих деревень за триста лет пересмотрел столько, что читаю их, как вы читаете вывеску.

Чисто. КАР. Чисто.

До пепелища отсюда ещё вёрст двенадцать, если идти, как я шёл: петлёй, по-воровски, вдоль оврагов. Это до середины дня. А потом назад, и назад уже с бумагой в лапах, и ветер к вечеру ляжет, и я буду тащиться над лесом в сумерках, и каждая сова на пути сочтёт меня за добычу.

Нет. Так не пойдёт.

Через поле, вдоль старого тракта, по канаве, где ольха стоит сплошной стеной, выйдет вдвое короче. Тракт заброшен с тех пор, как провели новый, через мост, и по нему теперь ездят разве что углежоги. Открыто, да. Рискованно, да.

Я расправляю крылья и ловлю первый тёплый поток, поднявшийся от стерни.

Успеть засветло. Вот и всё, что мне нужно. Один раз в жизни успеть вовремя.

* * *

Тракт выводит меня к заборным столбам раньше, чем я успеваю приготовиться.

Я узнаю это место не глазами. Глазами тут узнавать нечего: чёрный прямоугольник в траве, кривые рёбра стропил, печная труба стоит одна, как палец, поднятый в небо непонятно для кого. Но воздух над пепелищем идёт вверх не так, как над полем, и запах другой, и я сажусь, не думая, туда, куда садился сотню раз. На конёк.

Коньковой балки, конечно, уже нет целиком. Осталась треть, обугленная до черноты, лёгшая на гребень единственной уцелевшей стены — южной, глухой, в которой окон не прорубали. Я переступаю лапами. Уголь хрустит и пачкает когти, и под ним угадывается старое дерево, плотное, сосновое, и даже зарубка угадывается, та, где плотник ставил свою мету, и которую я разглядывал от скуки, пока ждал, когда внизу погасят свет.

Значит, вот как. Дом я помню сверху. Я всегда помню дома сверху, и это, видно, тоже часть наказания.

Отсюда, с конька, раньше было видно двор, поленницу под навесом, колодец с воротом, две кривые яблони у калитки и дорожку, протоптанную от крыльца к бане наискось, не так, как хотел хозяин, а так, как ходят ноги. Теперь видно золу. Серо-чёрное поле с рыжими проплешинами там, где лежало железо и ржавчина выела цвет. Гвозди. Их тут тысячи, они торчат из углей шляпками вверх, выстроившись рядами по бывшим стропилам, и это единственное, что в этом месте осталось ровным.

Та ночь была здесь. Мне незачем её разворачивать: я помню каждый свой круг над крышей, и то, с какой стороны они зашли, и как поздно я понял. Этого достаточно. КАР.

Я перелетаю на обломок кирпичного столба и опускаю голову.

Трава. Вот что меня держит дольше всего. Сквозь золу уже лезет трава, и не какая-нибудь робкая ниточка, а крепкий молодой мокрец у самого фундамента и лебеда по краю ямы, по

колено человеку, с толстым красноватым стеблем. На гари первой всегда идёт лебеда, за ней иван-чай, и мне ли этого не знать. Но лебеда так не растёт за неделю. И за две не растёт.

Внутри аномалии время идёт по-своему, жмётся, вытягивается, и я, старый дурак, считал дни по тому, сколько раз мальчишка валился спать. А здесь, снаружи, прошло больше. Насколько больше, я узнаю по этой лебеде, когда посчитаю колена на стебле, и считать мне не хочется.

Я потому и тянул с вылетом. Патрули, говорил я Кузьмичу. Патрули, да. Патрули тоже.

Ладно. Хватит сидеть и скорбеть, скорбеть я буду на обратной дороге, там ветер и всё равно делать нечего.

Бумаги. Бумаги лежали в кабинете. Не в том кабинете, какие бывают у князей, с дубовыми шкафами и бронзой, а в угловой комнате с одним окном на север, куда снесли всё, что осталось у парня: бумаги из приюта в котором какое-то время обитал, и прочие бумаги которые не особо нужны в жизни простолюдина. Северо-восточный угол. Там когда то стоял стол и вот на него вся моя надежда.

Я снимаюсь и иду по периметру низко, в двух саженях над землёй, против солнца, чтобы тени ложились в провалы и выдавали глубину.

Запад. Стена легла внутрь целиком, завалила крыльцо, из углей торчит гнутая полоса водостока. Тут не пройти.

Север. Здесь было хуже всего: перекрытия провалились в подпол, и яма дышит холодом, в ней стоит чёрная вода, и по воде плавает серая плёнка пепла, не колышется, как будто её прибили гвоздями. Над этим местом я делаю лишний круг. Мне не нравится, как оттуда тянет.

Восток, тот самый угол. Я снижаюсь, сажусь на обломок оконной рамы и щёлкаю клювом от злости. Печь. Печная стена рухнула сюда, и кирпич лежит плотно, в три слоя, с глиняным крошевом, и под ним дверца, и под ним бумаги, если они есть. Птичьим клювом эту гору не разобрать и за год. Нужен ход снизу, через свод, через зал.

Опять я прихожу туда, куда не умею войти. Опять.

Я обхожу угол с юга, вдоль той единственной стены, и там, у самой земли, где раньше была отдушина, вижу то, что искал. Кирпич осел неровно, и между осевшим краем и фундаментом открылся пролом, с локоть шириной, тёмный, с обугленной балкой, уходящей вниз наклонно, как сходня. Из пролома тянет сквозняком. Значит, внутри не завалено наглухо.

Это бывший зал. Оттуда дверь в кабинет, А там и стоял нужным мне стол.

Я складываю крылья и боком, подгибая голову, лезу в темноту.

* * *

Внутри темно и низко, и темнота здесь не та, что ночью в лесу. Она плотная, с запахом, и запах этот я знаю лучше, чем хотел бы: мокрая сажа, прогорклое железо, и под ними что-то сладковатое, от чего перья на загривке сами встают дыбом. Я не думаю о том, откуда оно. Я пришёл за бумагами.

Свет проливается сверху, из двух прорех в обрушенном перекрытии, двумя рыжими столбами, и в них висит пыль. По этим столбам я и меряю зал. Вот место, где стоял буфет, он сложился на бок, как подстреленный. Вот дверной проём в кабинет, наличник сгорел, косяк остался, обугленный до угольной корки, и в корке блестят гвозди. Я перепархиваю через порог и сажусь на пол.

Пола, впрочем, нет. Есть слой золы в полторы ладони, по нему идут чёрные рёбра прогоревших половиц, а между рёбрами проваливается лапа. Северо-восточный угол. Вон там окно, точнее то, что было окном: решётка висит на одном костыле и свернулась от жара, как сушёная корка.

Стол стоял у окна, спинкой к стене. Я помню этот стол. Дешёвый, еловый, с тремя ящиками, с подпалиной на столешнице от лампы, и ящик заедал, и мальчишка дёргал его двумя руками, упираясь коленом.

Я берусь за работу.

Зола невесома только на вид. Сверху лежит серая, сухая, её я смахиваю крыльями, и она поднимается облаком, набивается в ноздри, и я чихаю, по-птичьи, коротко и зло. Ниже идёт другая, слежавшаяся от дождей в тяжёлый пирог, и её приходится рвать лапами, подгребая под себя, как делает курица, и я, посланник, старший над всеми пернатыми этой стороны, скребусь в пепле, как курица. Пускай. Было бы над чем смеяться.

Под пирогом — головни. Я беру их клювом поперёк и оттаскиваю по одной, и они мажут, и перья на груди становятся из чёрных бурыми. Кусок обивки, пружина, половина фаянсовой кружки с отбитым ухом. Опять не то. Кованая скоба, гнутая. Опять не то.

На третьем десятке головней я задеваю что-то, что отзывается иначе. Не глухим треском дерева, а коротким, низким гулом, с дребезгом в конце.

Железо.

Я разгребаю вокруг втрое быстрее и выволакиваю на свет край столешницы. Еловая доска прогорела до середины и превратилась в чёрную губку, и там, где она кончается, начинается то, ради чего всё это: нижний ящик, обшитый изнутри листовым металлом, по тогдашней канцелярской моде, от мышей и от сырости. Жесть повело, она вспучилась и пошла радужными разводами, угол оплавился и натёк каплями, и всё-таки короб держится, и держится крышка, которую придавило сверху печной плитой.

Вот она, вся разница между пеплом и бумагой. Два фунта жести, которые кто-то поставил сюда сорок лет назад, не думая ни о каком роде.

Плита тяжёлая. Я упираюсь лапами в головню, подкладываю под край скобу, которую только что отбросил как ненужную, и давлю грудью на другой конец. Скоба выскальзывает. Я ставлю её снова и давлю снова, и на четвёртый раз плита съезжает в сторону с сухим шорохом.

Крышка не открывается, её приварило копотью. Я бью клювом по шву, раз, другой, пока ссохшаяся корка не лопается тонкой чёрной коркой, и тогда поддеваю, и ящик отходит.

Внутри пахнет гарью, но пахнет и бумагой. Сухой, тёплой, пылёной бумагой, и от этого запаха у меня перехватывает горло.

Верхний слой погиб: листы спеклись в чёрный кирпич, по краям рассыпающийся от дыхания. Я снимаю этот кирпич целиком, как снимают крышку с горшка, и под ним открывается то, что уцелело.

Сложенный вчетверо лист с казённым угловым штампом: уездное попечительство, Пошехонский дом призрения, номер, год, и строка с именем. Края обуглились ровным коричневым полем, выело левое поле и пару слов, но номер цел, печать цела.

Под ним второй, плотнее: договор о передаче призреваемого на воспитание в семью, с подписями, с гербовой маркой в углу, и марка не сгорела, только пошла пузырём.

А под ним, в самом низу, придавленная жестью ко дну, лежит книжица в тёмной обложке.

Я переворачиваю её лапой.

Паспортная книжка. Обложка закоптилась и съёжилась по корешку, верхний угол откусил огонь, но разворот цел: фотографическая карточка на месте, светлые волосы, упрямый подбородок, такой же, как сейчас, только без бороды и без того, что в этих глазах теперь живёт. Имя читается. Сословие, вписанное чужой рукой и без всякой правды, читается. Печать читается.

— Кар, — говорю я вслух, тихо, потому что иначе не выходит.

Этого хватит. Не на дворянскую книгу, не на герб, не на то, чтобы кто-то на заставе снял шапку. Но хватит, чтобы человек по имени существовал, а не был пятном крови на артефакте. С этого и начинают.

Я беру листы по одному, за самый край, у штампа, где бумага толще. Они хрустят. Один, который о детском доме, надламывается, и я замираю на три удара сердца, прежде чем уложить его поверх договора, сгибом к сгибу, а книжку снизу, как доску.

Потом подвожу всё это под левое крыло, к самому боку, где перо плотнее и теплее, и прижимаю. Неудобно. Лететь придётся косо, против ветра и низко, и крыло затечёт.

Пускай затекает. Я его сюда и нёс.

* * *

Я уже примериваюсь к прыжку, чтобы выбраться через пролом наружу, и тут меня держит на месте одна простая вещь: зола лежит неправильно.

Я смотрю на неё с крышки опрокинутого стола, сверху, как и положено смотреть птице, и вижу то, чего не видел снизу, пока рылся. Пожарище ложится по-своему. Ветер гладит пепел волнами, дождь бьёт его в рябую корку, обрушенная балка оставляет борозду широкую и рваную. А здесь, у северной стены, где когда-то стоял поставец, зола разобрана ровными полосами, в ладонь шириной, одна к одной, как грядки у хорошего огородника. Мелкий мусор отброшен к краю валиком. Головни выложены в сторонке, не разметаны, а именно отложены, чтобы не мешали.

Так пепел не ложится ни от ветра, ни от огня. Так его просеивают руками, стоя на коленях, с терпением, которого у человека в спешке не бывает.

— Кар, — говорю я в пустую обугленную коробку дома, и звук уходит в траву без отзвука.

Я спрыгиваю на пол и иду вдоль этих борозд пешком, по-вороньи косолапо, переваливаясь, потому что лететь тут три шага и незачем. Полосы кончаются у самой стены и поворачивают вдоль неё. Кто-то прошёл весь угол, метр за метром. Искал не наживу: монетный хлам, оплавленные ложки, медная дверная ручка лежат там же, где их бросил огонь, и никто их не тронул. Искал что-то одно, и знал, как оно примерно выглядит.

И тут меня догоняет вторая мысль, та, которую нужно было подумать раньше, ещё когда я бил клювом по приваренному копотью шву.

Я возвращаюсь к столу. Ящик, который я отворил, был запечатан гарью по всему шву, и корка лопнула свежим чёрным сколом, какой бывает только от нового удара. Его не трогали. Зато в двух шагах, под обрушенной штукатуркой, у печного бока лежит окованный ларец, который я сначала принял за обломок сундука и прошёл мимо.

Крышка у него сорвана с петель. Не перегорела, не отвалилась: вывернута. Петельные уши отогнуты наружу, металл в изломе светлый, сероватый, без копоти. Огонь оставляет на железе синеву и накипь, а здесь свежий излом блестит так, как блестит гвоздь, который только что выдрали из доски. Значит, ларец ломали после пожара. Когда стены уже остыли.

Внутри пусто. Ни золы, ни листа, ни тряпицы. Вычищено до дна, как вылизано.

Я стою над ним, и у меня под левым крылом хрустит бумага, которую я добыл из ящика, которого никто не нашёл. Вот и вся моя великая заслуга. Я опоздал сюда на несколько дней, и спас только то, что спряталось само.

Опять.

Я выбираюсь наружу через пролом, мимо торчащих рёбер стропил, и обхожу дом с южной стороны, где был вход. Порог уцелел: тёсаный камень, в нём выбоина от сапог нескольких поколений. Перед ним полоса земли, которую пожар выжег до гладкой корки, а дожди размочили и снова подсушили. Трава тут ещё не взялась, только по краям зеленеет щетина.

На этой корке лежит след.

Он чёткий настолько, что мне делается неуютно. Левый сапог, носок к дому. Подошва гладкая, без шипов и без гвоздевой строчки, какой мужики подбивают для долгой ходьбы. Каблук узкий, высокий, с подковкой на пятке, и подковка эта отпечаталась полумесяцем, со сколом на одном роге. Господский сапог. Не из тех, в каких ходит мужик по тракту, и не из тех, в каких по лесу неделями шатается наёмник Пса со своей весёлой компанией.

А главное, ему мало дней. Край отпечатка острый, ещё не оплыл, и роса в нём стоит отдельной лужицей, как в чашке. Дождь, который в прошлое новолуние шёл двое суток и превратил пепелище в чёрное месиво, его бы слизал начисто. Значит, после дождя. Значит, когда

Гуннар уже бился с муравьями, когда Кузьмич отпаивал его своей вонючей дрянью, когда я сидел на коньке избушки и говорил себе, что надо переждать патрули.

Я переждал. Молодец.

Я обхожу след по дуге, чтобы не смазать, и сажусь на обломок столба. Считаю, как считал бы на моём месте любой, кто две сотни лет живёт одними только подозрениями.

Убийцы пришли ночью и ушли с рассветом, им хватило огня. Они не роются в золе по грядкам, им это не нужно и не по чину. Матрос водит своих людей по лесу с артефактом крови, он ищет живого, а не бумагу. Люди Пса сидят в засаде и ждут, пока дичь сама выйдет.

А кто-то ещё приходил сюда пешком, в чистых сапогах с подковкой, и стоял на этом пороге, и опускался на колени в пепел, и просеивал его ладонями, и ломал ларцы.

Если он искал бумаги — он их не нашёл, и это одно. Если он искал что-то, о чём я не знаю, то плохо совсем: выходит, в этом доме было что-то, чего я не знал, а я тут сидел на крыше без малого год.

И ведь он вернётся. Тот, кто один раз просеял угол, просеет и второй, потому что такие люди доводят начатое до конца.

Я оглядываюсь на свою работу.

Разворошённый стол. Чёрный спёкшийся кирпич бумаги, вынутый и брошенный рядом. Отброшенная печная плита. Борозды от когтей по всему пеплу, крупные, трёхпалые, свежие, в палец глубиной.

Любой, кто придёт сюда после меня, прочтёт эти следы быстрее, чем я прочёл чужие. И подумает ровно то, что думать ему нельзя: что в доме кто-то искал и кто-то нашёл.

— Кар, — говорю я тихо и прижимаю крыло плотнее к боку, где хрустит паспортная книжка. — Старый ты дурень.

Затирать поздно. Птичьей лапой пепел не причешешь, а времени у меня до темноты.

Но прежде чем уходить, я посмотрю на ограду.

* * *

Ограда тут была добрая, в три жерди, на столбах из лиственницы, вкопанных ещё при прежних хозяевах. Огонь прошёл по ней неровно: с южной стороны выгрыз всё до земли, от столбов остались чёрные пеньки с белой трухой внутри, а с северной, где тянуло ветром, жерди только обуглились сверху и стоят, как стояли, похожие на закопчённые рёбра.

Я иду по верхней жерди боком, перебирая лапами, и смотрю вниз. Привычка: сверху видно много, а с четверти аршина видно правду. Трещины в угле, где застряла прошлогодняя паутина. Муравьиная дорожка через обгорелое дерево. Моток проволоки, которым подвязывали покосившееся прясло ещё до всего. Ничего, что стоило бы третьего взгляда.

На пятом столбе от ворот я останавливаюсь так резко, что меня заносит и приходится хлопнуть крыльями.

По чёрному вырезано.

Не процарапано ногтем, не поковыряно от скуки. Кто-то взял нож с коротким крепким лезвием, снял угольную корку до живой древесины и провёл по светлому раз, другой, третий, уверенно, как водят рукой, которая делала это не впервые. Срез жёлтый, смолистый, чуть потемневший сверху, но внутри линий ещё светится свежая лиственничная кровь.

А поверх прожжено. Не огнём от головни, от головни остаётся косая сажа и рваные края. Тут края ровные, спёкшиеся в стеклянную корочку, и запах, который я чую даже сквозь вонь всего этого пепелища: так пахнет дерево, по которому вели не пламенем, а силой. Кто-то приложил ладонь и подержал.

Я придвигаюсь ближе и наклоняю голову набок, потом на другой.

Щит. Простой, без затей, с заострённым низом. В нижней его половине — три звена цепи, лежащие в ряд, крайнее разомкнуто. Над цепью язык огня, узкий, вытянутый вверх, с

двумя короткими заусенцами по бокам. И всё. Ни короны над щитом, ни девизной ленты, ни зверей-держателей, ничего из того, чем роды любят обвешивать своё имя, когда имя у них есть.

Главное — это сделано после. По обугленному. По дому, который уже сгорел и успел три раза вымокнуть под дождём.

— Кар, — говорю я столбу. — Ну здравствуй.

И начинаю вспоминать.

У меня на это уходит, наверное, два десятка ударов сердца, и это долго, непозволительно долго. Кровь, которую мне дали нести, помнит гербы так же, как человек помнит лица родни. Я разворачиваю эту память, как разворачивают длинный свиток, который некогда читать, а надо просто найти знакомое пятно.

Двуглавая птица под тремя венцами. Серебряная стрела в чёрном поле — Оболенские, и у них же вторая, младшая ветвь, со стрелой переломленной. Морозовы, с их инеевой звездой в восемь лучей. Юсуповы, полумесяц и копьё. Разумовские, рука, держащая свиток. Нарышкины, будь они трижды. Дальше вниз, в графские дома, в тех, кто сидел на дальних столах и приезжал ко двору раз в три года. Дальше ещё, в мелочь, в землевладельцев с одной деревней и четырьмя мужиками.

Цепи нет. Огня над цепью нет.

Я перебираю ещё раз, медленнее, подозревая себя, потому что себе я доверяю плохо и имею на то причины. Но нет: этого знака кровь Рюриковичей не знает. А кровь Рюриковичей знала всех, кто чего-то стоил. Если дом не попал в этот список, значит, его просто не существовало, когда список составляли. Выскочки. Новая мелочь, получившая щит позже и не успевшая ничего в него добавить. Или получившая и всё растерявшая.

От этой мысли мне делается почти легко.

Потому что я уже успел придумать себе страшное: будто убийцы, покончив с домом, вернулись и расписались на ограде, как расписываются на взятой крепости. Так делали в старину, так делали в войну с ляхами, и я это видел. Но те, кто делает так, ставят знак на воротах, на самом видном месте, и ставят крупно, чтобы читалось с тракта. А тут пятый столб от ворот, у самого куста бузины, с той стороны, которую от дороги не видно вовсе. Это не расписка. Это отметина для своих.

И я знаю, кто ставит отметины для своих.

Шатуны. Мужики, что обходят погорелые дворы по уезду, пока зола тёплая, и скребут, где плохо лежит. У них на всё свои значки: один крест — двор пустой, два — хозяева вернутся, крюк — брать нечего. Кто-то пришёл, просеял пепел руками, поломал ларцы, ничего путного не нашёл и пометил место, чтоб второй раз не ходить зря. Сапог с подковкой у господ ворованный, такие на тракте снимают с проезжих вместе с головой.

Складно. Я даже головой киваю собственной складности.

Солнце между тем сползло к верхушкам, и тень от трубы легла через весь двор. До темноты мне надо быть за оградой Кузьмича, а под крылом у меня хрустит книжка, которой этот мальчишка будет доказывать, что он на свете есть.

Я ещё раз, долго, смотрю на щит. Три звена, крайнее разомкнуто. Язык огня с двумя заусенцами. Кладу рисунок туда, где у меня лежат вещи, до которых руки дойдут позже, и которых там, по правде, уже многовато.

— Опять, — бормочу я и отталкиваюсь от жерди. — Опять я ухожу, не досмотрев.

Столб остаётся внизу, чёрный, с жёлтой раной на боку.

* * *

Ветер к вечеру падает, как всегда падает над этими местами в начале лета, и лететь становится труднее, а не легче: нет опоры, нечего подстелить под крыло, греби сам. Я гребу. Бумага под крылом живая, шуршит при каждом взмахе, и я то и дело прижимаю её плотнее, отчего

правое плечо начинает ныть, а линия полёта уводит влево. Кар. Старый дурень с книжкой за пазухой.

Я ухожу выше, где воздух ещё держит остатки дневного тепла, и иду прямо, без петель, потому что на петли у меня больше не осталось ни крыльев, ни времени.

А раз не надо думать о дороге, думается о другом.

Двести лет я считал, что провалился один раз. Так удобнее: один раз, в одну ночь, всё разом, и дальше живи с этим, как живут с перебитой лапой. Я и жил. Долетал до каждого, кто оставался, сторожил, грел, уводил. А потом их становилось меньше, и меньше, и вот остался мальчишка в чужом тёплом доме на краю уезда, и я решил, что раз он один, то и дело моё почти кончено. Досторожу — и свободен.

Кар. Не кончено.

Потому что в том теле теперь сидит не тот, кого мне поручали. Я это понял в первый же день, по глазам, по тому, как он не знал, что такое аномалия. Чужая душа, с чужого света, принесённая не мной, не для меня и не по моей просьбе. И я ждал: вот сейчас, сверху, скажут. Хоть слово, хоть зуд между лопатками, хоть сон. Творец молчит. Творец молчит так давно и так ровно, что я уже не уверен, слышит ли он вообще имя рода, который когда-то сам же велел беречь.

Значит, отвечать мне. Одному. И не за один провал, а за новый виток той же самой верёвки, которую я когда-то упустил из клюва.

Ограда показывается в тот момент, когда от солнца остаётся одна красная скоба. Руны на столбах уже затеплились, и воздух над ними дрожит, как над печью. Я прохожу насквозь, теряю разом половину скорости, успеваю обругать Кузьмича за его жадность до силы в этом заборе и сажусь не на жердь, как собирался, а прямо на стол под навесом, боком, растопырившись.

— Принёс, — говорю я и разжимаю крыло.

Листы ложатся веером. Они пахнут гарью так, что Кузьмич морщит нос и отодвигает плошку с похлёбкой. Гуннар поднимается от чурбака, на котором сидел, и становится надо мной, большой, лохматый, в рубахе с мокрой от пота спиной; видно, опять мучил себя до темноты.

— Ваше благородие, — ворчу я, — не стойте над душой, тени от вас больше, чем от сарая.

Он садится. Берёт верхний лист двумя пальцами, осторожно, будто бабочку, и это у него получается само собой, без науки, и я в который раз отмечаю, что руки у тела помнят больше, чем голова.

— Детский дом Пошехонский, — читает он медленно. — Опека… приёмная семья… Это что, выписка? — Он переворачивает следующий. — А вот это у вас называется паспорт? Книжечка с уголком. У нас такие на заводе выдавали, пропуск на проходную.

— Уголок обгорел, печать цела, — говорю я. — Печать и важна. Кар.

Он долго смотрит на свою же фотографию, где снят мальчишкой, стриженым, с испуганными глазами. Потом закрывает книжку и кладёт ладонь сверху, тяжело.

— Ну хоть так. Значит, я на свете всё-таки есть.

— Есть, — подтверждаю я. — Бумажно.

Кузьмич забирает листы, перебирает, щёлкает по печати ногтем. Я мог бы на этом и замолчать, честное слово, мог. Но я видел борозды в золе и видел сапог.

— Там до меня рылись, — говорю я вскользь, разглаживая клювом перо на груди. — Пепел просеян руками, ровными грядками. Ларец вскрыт снизу, а не сверху. И след у порога свежее пожара.

Кузьмич перестаёт щёлкать по печати.

Он не ахает, не бранится; просто его круглое лицо делается плоским и старым, и он смотрит мимо нас обоих в темнеющий сад, как смотрят, когда вспоминают то, чего рассказывать не собираются.

— Наёмники так не ищут, — говорит он наконец. — Наёмнику нужна голова, он пепел руками просеивать не станет. Значит, на том дворе есть ещё чей-то интерес, кроме твоей головы, парень. — Он сворачивает бумаги в трубку и прячет за пазуху. — Ходить теперь будем короче, возвращаться раньше. И ты, Хугин, туда больше не летай один.

— Опять, — говорю я тихо, себе. — Опять не досмотрел.

Над оградой гаснет последняя красная скоба, и становится слышно, как за частоколом, в аномалии, просыпается ночное.

Глава 7

Просыпаюсь от того, что под щекой что-то шуршит.

Бумага. Трубочка с документами, которую вчера отдал мне ворон, к утру оказалась у меня под рукой, на лавке, рядом с головой. Наверно, Кузьмич её туда положил, сама-то она не пришла. Я лежу, не открывая глаз, и слушаю, как пахнет вокруг: гарью, старой пылью, мышиным углом. Запах чужого погоревшего детства, и в этом запахе отчего-то чудится сырость подвала, в котором держат то, что давно пора выбросить, да рука не поднимается.

Паспортная книжка жёсткая, уголок обуглен в чёрное кружево. Я вожу по печати большим пальцем, как по шершавому сварному шву, и думаю странную вещь: в той жизни у меня тоже была книжечка с фотографией, и я её терял дважды, и бухгалтерия каждый раз обещала повесить меня на проходной в назидание. А теперь вот оно, доказательство. Драгомир Гуннар — да, фамилия другая, видать, чтобы не нашли преследователи, — воспитанник Пошехонского дома призрения. Не самый громкий документ в империи, но он утверждает, что человек с таким именем ходил по земле, ел казённую кашу, и его кто-то фотографировал.

Значит, и сейчас ходит.

Ладно. Хватит нежностей, спину ломит так, будто вчера вдвоём разгружали вагон цемента, а третьего не дали.

Во дворе серо и сыро, трава полегла от ночного холода, и над умывальной бочкой стоит пар. Солнца в аномалии не бывает честного: здешний свет всегда как в цеху при лампах дневного, видно всё, а теней нет. Руны на столбах ограды спят, тусклые, будто остывшая окалина, и от них тянет холодком, каким тянет от металла, забытого на морозе.

На чурбаке у поленницы разложена пара топоров. Не те, которыми колют дрова: короче, с утяжелённым обухом, лезвия обмотаны сыромятиной в три слоя и набиты мелом.

Кузьмич сидит на крыльце, свесив босые ноги, которые до земли не достают, и ковыряет клюкой в щели между досками.

— Жив? — спрашивает он, не поворачиваясь.

— Частично.

— Бери, частичный. Пока плечи не остыли со вчера.

Беру. Рукояти ложатся в ладони неожиданно удобно, как рукоять колуна, и это первое, что приходит в голову, а должно бы приходить что-то благородное. Встаю, как он учил третьего дня: левая нога вперёд, вес на подушечки, локти к телу.

И сразу всё идёт не так.

Тело знает стойку. Оно её помнит отдельно от меня, мышцами спины и косыми живота, и само разворачивает корпус раньше, чем я решил разворачиваться. А руки у меня свои. Руки у меня привыкли кидать уголь, колоть дрова в деревне да помогать парням на заводе таскать ключи или срывать гайку собственным весом, и они тянут вниз, в землю, потому что всё, что тяжёлое, бьёт сверху вниз и вкладывается весом, а не кистью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.